

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Болезнь
претендента*

Фридрих Евсеевич Незнанский
Болезнь претендента
Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169299
Болезнь претендента: АСТ, Олимп; Москва; 2006
ISBN 5-7390-1940-0

Аннотация

Предвыборная кампания в одном из регионов Сибири ведется с применением «грязных технологий». Дело доходит до преступления – отравлен один из лидеров ведущей политической партии...

На место происшествия выезжает следственная бригада Генеральной прокуратуры, возглавляемая Александром Борисовичем Турецким. Но москвичи сразу сталкиваются с неожиданными препятствиями – местные влиятельные «силовики» всячески мешают их работе...

Содержание

Пролог	4
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	35
Глава 13	39
Глава 14	41
Часть II	43
Глава 1	43
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Незнанский

Болезнь претендента

Пролог ЭЛИТНЫЙ ДОМ

Младший лейтенант милиции Воронин хорошо знал этот дом на Октябрьской улице: восьмиэтажная «сталинская» громада с «архитектурными излишествами» – одно из самых заметных зданий в городе. Глядя на него, сразу можно догадаться, что здесь сплошь просторные квартиры с высокими потолками. Не чета не то что пресловутым заповитым окраины «хрущобам», а даже нынешним скороспелым высоткам с их квартирами улущенной планировки. Таких жилых мастодонтов в Красносибирске можно пересчитать по пальцам, в центре же он и вовсе один. Поэтому городская верхушка непременно стремилась обосноваться в доме на Октябрьской. Раньше в нем жили руководители крайкома, горкома, исполкома, комсомольские бонзы, ныне сюда стремятся попасть депутаты законодательного собрания края, как его называют, краевого парламента, да не всем удастся. Желающих больше, чем квартир. Здесь же обосновались руководители местного УФСБ, УВД, мэрии, да и сам губернатор Аристарх Васильевич Сокольский имеет апартаменты на третьем этаже этого прекрасного, содержащегося в идеальном порядке дома.

Даже если бы Воронину не позвонил капитан из дежурной части отделения, милиционер все равно обратил бы внимание на стоявшую возле элитного дома зеленую «пятерку».

В этом месте вообще редко останавливаются машины, обычно они заезжают в просторный двор, к подъездам. Если же подруливают сюда днем, то, как правило, иномарки, а не задрипанный «жигуленок», который выглядит тут, словно нищий на паперти. Тем более сейчас, когда обочина совершенно пуста, он режет глаз. Что тут делать посторонней машине в одиннадцать вечера?!

Когда патрульный «газик» остановился рядом с «пятеркой», младший лейтенант увидел неподвижно сидевшего за рулем водителя. За опущенным стеклом левой передней двери была хорошо заметна крупная голова с подстриженными ежиком волосами. Лицо у водителя одутловатое и бледное. На просьбу Воронина предъявить документы он прореагировал совершенно спокойно, даже вяло – взял кожаную обложку, лежавшую перед ним на панели, и протянул милиционеру. Фортунов Алексей Эдуардович, 1965 года рождения, техосмотр пройден месяц назад, обязательная автостраховка оформлена.

– Багажник откройте, пожалуйста, – попросил младший лейтенант.

Фортунов с безучастным видом вылез из машины, с едва слышным щелчком открыл крышку багажника, и милиционер ахнул – датчики, замыкатели, взрыватели, заряды... Багажник был до отказа наполнен взрывчаткой.

Часть I

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Глава 1

ДЕВУШКА ИЗ «ПЕХОТЫ»

Первая половина рабочего дня у социологов проходила по раз и навсегда устоявшемуся образцу. С утра все сосредоточенно сидели за своими компьютерами, ни о чем не разговаривали между собой, да и по телефонам в это время звонили редко. Перекуры, кофе, обсуждение новостей начнутся позже.

– Тамара! Капустина! – громко крикнул из своего кабинета Сергей Алексеевич.

Мог бы и не звать по фамилии, здесь работает одна Тамара, других Тамар нет. Она догадывалась, зачем в это время понадобилась начальнику. Тот всегда примерно через час после прихода просил приготовить для него чай. Секретарши у Безлепкина никогда не было, а Тамара сидела к нему ближе всех. Вот он к ней и обращается. Вполне логичная дружеская просьба. Вроде бы самому начальнику не пристало готовить себе чай, да и некогда, сотрудники все время атакуют его с разными рабочими делами, телефон трезвонит не переставая. Вот и нашел себе помощницу среди подчиненных. Тамара ничего не имеет против. Для нее это – пара пустяков. Даже воду в электрический чайник не нужно наливать. Поскольку многие часто пьют кофе, он чаще всего наполнен. Остается только включить его, опустить в большую чашку с надписью «Вспоминай Коктебель!» пакетик чая, залить его кипятком, потом насыпать две ложечки сахарного песка – и все дела. Первый раз она предложила начальнику лимон, но оказалось, что у Сергея Алексеевича на него аллергия.

Дверь кабинета начальника закрывается только тогда, когда к нему приходят посетители или тот распекает кого-нибудь из сотрудников. Остальное время она нараспашку. Если Сергею Алексеевичу нужно позвать человека, он кричит, не вставая со своего места, и все прекрасно слышно. В их комнате сидят десять человек. Зал разделен на отсеки двухметровыми непрозрачными ширмами. Говорили, будто у них внутри имеется свинцовая прокладка, которая якобы не пропускает вредное излучение от компьютеров. Правда, их главный компьютерщик Андрей это отрицает. Утверждает, что свинца там вовсе нет, а ширмы поставлены просто для того, чтобы люди не отвлекали друг друга. И вот что удивительно: ширмы тонкие, до потолка не доходят, они едва выше человеческого роста, а в комнате все равно сравнительно тихо. Даже если кто-либо разговаривает в своем отсеке по телефону, то остальным не мешает.

Раньше за этим столом сидела другая девушка, она тоже готовила начальнику чай. Когда та уволилась, вместо нее приняли Тамару, и все ее обязанности автоматически перешли к новенькой сотруднице.

Маленькая организация, куда поступила Тамара, официально называется «Аналитическая группа „Народный голос“». Здесь занимаются социологией: изучают мнение людей о разных событиях. Эти события могут касаться чего угодно: и политики, и бизнеса, и медицины, и спорта. Например, первая работа, в которой участвовала Тамара, относилась к футболу. Нужно было узнать мнение людей о том, какое место займет сборная России на предстоящем чемпионате Европы. Только что поступившая на вечернее отделение института, будущий дипломированный социолог Тамара ходила за руководителем этой темы как собачонка, а он объяснял, как нужно составлять анкеты, как выбирать людей для опроса, обязательно должны быть представлены люди разного социального положения и разного

возраста, как вести записи, как подсчитывать проценты. Ей было очень интересно. Таких исполнителей здесь называли „пехотинцами“. Потом она принимала участие во многих разных исследованиях и незаметно хорошо освоила специальность, которая теперь казалась ей не только интересной, но и легкой. Она вошла в кабинет Безлепкина, однако вместо набившего оскомину „Сделай мне, пожалуйста, чайку“ услышала приглашение сесть. Робко устроилась в углу Т-образного стола.

– Тамара, как ты относишься к политике? – неожиданно спросил начальник. – Тебя это интересует?

– А куда от нее деться, Сергей Алексеевич?! И не захочешь следить, так поневоле придется. Вокруг о ней только и говорят с утра до вечера: по телевизору и по радио.

– Это тот минимум, который всем навязывают. А дополнительный интерес к ней имеется? Газеты по пути на работу читаешь?

– Ну... время от времени. Чаще книги. А вообще-то по утрам в автобусе столько народу, что особенно не считаешь.

– Понятно, сам не на машине едешь. Я почему спрашиваю. – Сняв очки, он откинулся на спинку кресла. – Сейчас у нашей группы появился новый заказ. Думаю поручить эту работу тебе. Ты девочка аккуратная, смекалистая, будучи в «пехоте», во многом разобралась. Самое время приняться за что-то самостоятельно. Это заказ от «Красносибирских ведомостей», однако, уверен, другие газеты подобными цифрами тоже заинтересуются. То есть рынок существует, раньше такого не было. Поэтому сможем наварить на этой теме неплохие деньги. По сути дела, работа несложная, можно сказать, простая, однако таким исследованиям сейчас придается большое значение. Нужно будет регулярно подсчитывать, как распределяются голоса избирателей в поддержку той либо иной политической партии.

– Это связано с выборами? – уточнила Капустина.

– Разумеется. Вот такие данные и будут публиковаться до выборов. Потом пищи не станет, тема автоматически исчезнет.

Подумав, Тамара спросила:

– А будут ли вообще меняться результаты опросов? Я имею в виду вот узнали мы первый раз, как распределились симпатии избирателей. По идее, они и дальше должны оставаться такими же.

– Нет, в том-то и фокус, что это не постоянная величина. Уже проверено. Отстающие партии начинают более активно вести агитацию, привлекают новых сторонников. Поэтому картина в любой момент может измениться. Она не будет постоянной даже для ведущих партий, особенно если те имеют примерно равное количество сторонников. То одна может выйти вперед, то другая. В абсолютном выражении проценты точно будут меняться, тут и сомнений нет. Кто-то из политиков проштрафился, и другие обойдут его на дистанции. Так что давай, Тамарочка, дерзай. Сначала составь список всех партий, участвующих в выборах, потом уже делай анкету. Если возникнут какие-либо трудности, спрашивай, не стесняйся. Работа весьма важная.

Хоть и не часто читала Тамара в газетах про политику, однако тут без особых трудностей разобралась, что к чему.

Суть дела сводилась к тому, что в их Красносибирском крае готовились выборы в законодательное собрание. На места в региональном парламенте претендовали представители различных политических партий. И эти выборы были промежуточным шагом к не менее значимому событию – выборам губернатора края. Человек, занимающий этот пост, получает на своей территории почти неограниченную власть.

Считается, что губернаторов назначает президент страны. Но делает он это не с бухты-барахты: тут необходимо учесть много факторов. Одним из самых главных является отношение населения к будущему правителю. Поэтому законодательное собрание рекомендует пре-

зиденту двух-трех человек, которые вызовут у жителей региона наибольшее одобрение. А уж глава государства решит, кому из них взойти на престол. Поскольку при этом для избежания лишних конфликтов обязательно учитывается, какую поддержку имеет партия, в которую входит будущий губернатор, то между ними ведется борьба за наиболее многочисленное представительство, то есть за депутатские мандаты.

Окунувшись в дебри Интернета, Тамара узнала, что своих кандидатов на выборы в законодательное собрание выдвинули представители шести политических партий. Судя по количеству упоминаний в прессе, две партии лидировали, то есть имели наибольшее количество сторонников. Это – «Неделимая Россия» и «Союз справедливых сил». «Неделимая Россия» – это так называемая «партия власти», в нынешнем краевом собрании большинство депутатов являются ее членами.

Имелись еще три партии с курьезными аббревиатурами ПИФ, ПАФ и ПУФ. Последняя – Партия усиленного финансирования – была самой малочисленной из этой тройки. Чтобы в нее вступить, не требовалось иметь политических взглядов. Достаточно лишь одолеть имущественный ценз, стало быть, это партия олигархов. При основании партии все городские богачи чохом вступили туда, и с тех пор количество ее членов оставалось неизменным – новых богачей за последнее время в Красноярске не появилось.

Партия интеллектуального фронта, ПИФ, была более популярна. (Кстати, ее членов очень раздражало, что их сокращение совпадает с паями инвестиционных фондов.) На знамени интеллектуалов гордо красовался девиз «Семь раз отмерь, один – отрежь». Очевидно, подобная сентенция служила для пифовцев синонимом здравого смысла. Их лидер Аркадий Гулагер обещал красноярцам без обсуждения с ними не предпринимать никаких необдуманных шагов. И подчеркивал – не в том смысле, чтобы принимать их после обсуждения. Нет, обо всем советоваться с горожанами, изучать их мнения, вкусы, желания – вот туры на колесах, на которых надеялись выехать пифовцы.

Более решительно были настроены члены ПАФ – Партии атлетического фонда. Они проповедовали здоровый образ жизни. «Мышечный корсет на смену пуленепробиваемой жилетке!» – такой лозунг выдал недавно их лидер Константин Пермский, который самым наглым образом ворвался в краснояровский истеблишмент, а теперь рвался в депутаты парламента. В газетах подтрунивали, что любого члена ПАФ легко узнать по монотонно-слоновьей поступи и фигуре – шествует эдакий треугольник: тонкая талия, широченный разворот плеч, наверху прикреплена махонькая, аккуратно подстриженная головка. И что-то в нем обязательно движется: либо челюсть, перекатывающая жвачку, либо в ладонях по кистевому эспандеру.

Кстати, кто-то из доброхотов надоумил Пермского зарегистрировать лозунг про мышечный корсет в агентстве по авторским правам, что Константин и сделал. Поскольку же этот слоган печатался где только возможно – на майках, чашках, ложках, брелоках, – на счет автора потекли бешеные деньги. Он даже подумывал перейти в более престижную Партию усиленного финансирования. Однако всех этих подробностей Тамара знать не могла.

Недавно в крае появилась и новая партия. Красноярицы небольшого достатка, скромной физической силы и более чем скромного ума объединились, образовав Партию умеренного нейтралитета. Она была настолько малочисленна, что Капустина долго сомневалась, нужно ли включать ее в общий список. Тем более что сидевший за соседним столом сотрудник, узнав про полученную Тамарой тему, тут же рассказал ей анекдот о том, как на выборах мэра один человек получил три голоса. «Безобразие! – закричала ему жена. – Признаться, ты завел себе подружку!»

Все же для очистки совести и эта партия была включена в анкету.

– Состав участников определен правильно, – одобрил составленные Тамарой характеристики партий Безлепки. – Теперь приготовься выяснять расклад сил.

Глава 2

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ

Среди ночи губернатор края Сокольский почувствовал себя плохо, и постоянно дежурившая возле подъезда «скорая помощь» отвезла его в больницу. Третий раз за последние два месяца. Врачи говорят, по весне подобные сердечные обострения случаются. Сейчас только начало марта. Это что же дальше-то будет?!

А ведь до недавнего времени Аристарх Васильевич знать не знал про врачей, даже кичился перед окружающими своим здоровьем. Ровесники жалуются то на одно, то на другое, только и слышишь у них про давление да про язву желудка, то и дело достают из кармана таблетки. В его родне тоже вроде бы все хлипкие. Он же прямо Илья Муромец какой-то вымахал. И очки-то ему понадобились гораздо позже, чем остальным ровесникам, и зубы-то сохранились лучше, чем у других. По виду заметно – богатырь, физически сильный человек, кочергу узлом завяжет.

Таковым и был совсем недавно. И вдруг первая мелкая хвороба прилепилась, за ней вторая, третья. Сначала он не обращал на болячки внимания, а уж когда количество перешло в качество, отправился к врачам. Те за головы схватились: где же вы раньше были, Аристарх Васильевич?! Куда только раньше глядели, совсем запущенный у вас организм.

И пошло-поехало: анализы, процедуры, лекарства. Про кочергу Сокольский уже сам смеялся сквозь слезы: «Я и сейчас ее узлом завяжу. Только развязать не смогу». Болело то в одном месте, то в другом. Когда же схватывало сердце, как сегодня ночью, уже ни о какой работе не думаешь – лишь бы выкарабкаться, пожить еще ой как хочется. В такие моменты сразу накатываются мысли о бренности всего земного, о тех пустяках, из-за которых треплешь себе нервы: доходах, квартирах, бесконечных препирательствах с московскими бонзами. Отдашь концы, и ничего этого для тебя не будет. Так, может, лучше жить потише, поспокойнее. Удалиться на дачку, сидеть по утрам на берегу с удочкой, потом со вкусом завтракать – гренки с джемом, апельсиновый сок, затем улечься на диван, обложившись газетами и книгами. Правда, возрасту него не пенсионный, шестидесяти еще нет, три года осталось до юбилея, но по инвалидности можно уйти. Хватит, напахался...

Вот с такими мыслями прибыл Сокольский в больницу для руководящего состава края. Врачи, как водится, вокруг него посуетились, сделали все в лучшем виде. Утром проснулся Аристарх Васильевич как огурчик, от вчерашних крамольных мыслей про дачное уединение и следа не осталось. Уже, несмотря на энергичные протесты жены, вызван помощник, Леонард Глазурин, ему даются указания: позвонить тому-то, написать туда-то. Пусть приедут ко мне Базилевский и Корсарин. Молодой помощник тоже пытался охладить его пыл, мол, не стоило бы сегодня приглашать посетителей, Аристарх Васильевич. После такого приступа необходим покой, повремените денек-другой. Ладно, ладно, Леонард, ненадолго, пусть приедут на часок, к трем, с эскулапами я договорюсь.

Базилевский – это его правая рука, первый вице-губернатор. Поскольку Аристарх Васильевич последнее время часто хворает, он остается на хозяйстве. Григорий Федорович человек умный, за плечами два высших образования – строительное и экономическое, порядочный, что особенно ценил Сокольский при выборе своего первого зама. Такой не должен повести себя по-свински, не должен его подсидеть. Хотя всяко в жизни бывает, однако в коварстве потомственного интеллигента Базилевского заподозрить трудно.

Вот с Корсариным нужно держать ухо востро. Он мужик ушлый, себе на уме. Да у него и должность соответствующая – первый заместитель начальника Главного управления МВД по Сибирскому федеральному округу. На такой работе не до благодушия, особенно по нынешним временам. Владислав Игоревич – полковник. Однако, как он сам шутит, плох

тот полковник, который не мечтает стать генералом. Корсарин об этом мечтает больше, чем кто-либо, мечтает страстно, откровенно. Правда, Сокольский может тут помочь постольку-поскольку: милицееское ведомство не его епархия. Да и с Корсариным он связан сейчас в основном по партийной линии – оба активисты политсовета партии «Неделимая Россия».

После массового выхода коммунистов из партии с демонстративными сжиганиями билетов, с громогласными проклятиями тоталитарному прошлому, с заменой портретов Ленина на горбачевские Аристарх Васильевич в глубине души пришел к выводу, что любая партия является злом. Искусственное объединение людей по какому-либо признаку поневоле приводит к новым конфликтам. А уж если существует несколько партий, если происходит разделение на «своих» и «чужих», то от этого добра ждать не приходится. Губернатор тем более должен дистанцироваться от одного объединения, должен стоять над схваткой, быть объективным по отношению ко всем, не принадлежа ни к кому. Однако тут поступило строгое указание из Кремля – нужно было сколотить и возглавить новую партию, «Неделимая Россия». Здесь уж Сокольскому и деться некуда – пришлось надеть на свою шею этот хомут. Правда, сначала он не придавал свежему веянию большого значения, думал, простая формальность. Теперь же вон куда повернуло – от партии зависят выборы губернатора. Там должно быть единомыслие, дисциплина, и в какой-то мере это ему на руку. Не впрямую – сам-то уже баллотироваться не будет, здоровье не позволяет. Зато Аристарх Васильевич сможет поставить своего человека, что не намного хуже, чем рулить самому. Во всяком случае, все мыслимые и немыслимые блага за ним сохранятся, значит, он по-прежнему будет кататься как сыр в масле.

Одна заковыка наблюдается – межпартийная конкуренция. Поэтому перед выборами нужно активизироваться, обратить на себя внимание избирателей. Этого и Москва настоятельно требует. Будет мало мандатов в местном законодательном собрании – по головке не погладят.

Именно об этом говорил сегодня губернатор Сокольский с явившимися к нему после обеда соратниками по партии, Базилевским и Корсариным.

Беседа началась после того, как милицкий полковник провел «борьбу с насекомыми». Поскольку губернатор всегда лежал в одной и той же палате, ее вполне могли оснастить подслушивающими «жучками». Компромат сейчас собирается без зазрения совести. Поэтому Владислав Игоревич установил в проводную линию аппарат, подающий мощный высоковольтный импульс. Такие полностью лишают подслушивающие устройства способности выполнять свои прямые обязанности.

– Тигра нужна! – убеждал Сокольский посетителей. – Необходимо придумать что-нибудь эдакое, чтобы привлечь к себе внимание. Сейчас приближается оптимальное время: не слишком рано и не слишком поздно.

Базилевский достаточно вяло протестовал, делал упор на проведение каждодневной работы по дискредитации соперников.

– Насколько я понимаю, избиратели совершенно не читают партийные программы, и тому имеется много причин. Во-первых, все они похожи одна на другую и написаны таким языком, что в них все равно ничего не поймешь. Во-вторых, все прекрасно понимают, что никакая партия не выполнит своих обещаний. Даже если захотят, не смогут. Поэтому избиратели просто смотрят на партийных лидеров – симпатичны те или нет. Кто понравится, за того и проголосуют. Поэтому нужно спокойно развенчивать сусальные автопортреты этих дерьмократов. – Так Григорий Федорович с прямолинейным бюрократическим юмором называл демократов, представителей «Союза справедливых сил». – Ведь все они тоже обычные хапуги. Тот же Самощенко – ведь богатейший человек, живет в роскошном особняке, отдыхает исключительно за границей. Откуда деньги-то? Такие честным трудом не заработаешь. А эта его прихлебательница-вьетнамка. Когда она, сверкая золотом и бриллиантами, вещает

из Давоса о социальной справедливости, это же курам на смех. Ведь по узким ее глазам видно, что ей на эту справедливость наплевать. А вот лиши ее халявных поездок в Давос, тут она мигом перегрызет горло. Ее просто надо чаще показывать по телевизору, все от нее и отвернутся.

– Верно! – засмеялся Корсарин. – А Болгарин, про которого часто пишут в светской хронике? Ведь дармодед из дармодедов. Ничего не делает, а каждый вечер болтается по ресторанам. Пусть про него почаще пишут, и весь этот «Союз справедливых сил» без нашей помощи окажется в полном дерьме.

– Так-то оно так, – согласился Аристарх Васильевич. – Это и без того во всех наших интервью подчеркивается. Но нам нужна тигра. Нужна громкая акция. Без акции нынче – труба.

– Что вы имеете в виду? В каком направлении копать?

– Не знаю, ребята. Сами придумайте. Мне кажется, очень эффектно раскрыть громкое преступление, вернее, готовящееся преступление. Схватить злодея за секунду до того, как он нажмет на курок.

Базилевский вставил:

– Они тоже свою тигру готовят. Но химичат с такими предосторожностями, что дальше некуда! Кажется, придумали что-то, связанное с экономикой.

– Владислав Игоревич! – Губернатор с укоризной взглянул на милиционера. – Как же так получается, что ты об этом узнать не можешь?

Тот с виноватым видом развел руками:

– Чуть ли не за границей готовят. Однако, мне кажется, тут большой беды нет. Все равно рано или поздно свой проект они обнародуют.

– Да я не думаю, что им по силам придумать что-нибудь путное, – попытался успокоить губернатора Григорий Федорович. – Там же две извилины в мозгах на всю партию.

– Ну не сами же они думают, – согласился Сокольский. – Может, нашли зарубежных советников.

– Мы тоже можем найти.

– Да ну их к чертовой бабушке! – вскипел Аристарх Васильевич. – Они такого насоветуют, что потом век не расхлебаешь. Мы сами способны придумать что-то дельное. Я, например, в этом не сомневаюсь. Когда рядом со мной такие орлы, нешто мы горы не свернем?!

– Свернем, – дружно улыбнулись оба соратника.

– Иначе получится как с памятником Петру, не к ночи будь сказано.

Этот случай был у всех в памяти. Один заезжий голландский предприниматель посоветовал соорудить в городе памятник Петру Первому, причем размером больше московского. Губернатор и его окружение ухватились за оригинальную идею, сообщили о ней в одном из интервью, так потом жалели: сотни тысяч протестующих высыпали на улицу. Боялись, что их город изуродуют. Пришлось дать задний ход.

Кроме памятника, в губернаторском кругу всерьез муссировались еще две идеи. Сначала решили организовать международное авторалли «Красносибирск-2005», но, проверив состояние дорог и убедившись, какие они разухабистые, от этой идеи отказались. Хотели еще внедрить звание почетного гражданина Красносибирска. Стали прикидывать, кто может быть отмечен таким титулом, и сразу переругались между собой. Поняли, если в обсуждении примут участие представители других партий, такие конфликты возникнут, что мало не покажется.

– Аристарх Васильевич, я только хотел уточнить одну деталь, – сказал Корсарин. – Наша тигра в первую очередь должна опорочить конкурентов?

– Совсем нет. Это никак не должно быть связано с ними. Наша акция должна в первую очередь поднять наши акции. – Он засмеялся, довольный собственным каламбуром. – Показать, что нам по силам то, что не по силам другим. Действовать по принципу «сам дурак» нынче не модно. Устарела такая пикировка.

Раздался негромкий стук в дверь, и в палату вошла лечащий врач, Надежда Павловна.

– Извините, Аристарх Васильевич, по-моему, вы нарушаете режим. Я попросила бы ваших уважаемых гостей дать возможность больному отдохнуть. К тому же нам до обеда нужно еще провести несколько процедур.

Базилевский и Корсарин послушно распрощались с губернатором и вышли в коридор, где дождались, пока из палаты появится Надежда Павловна. Попросили ее начистоту рассказать о состоянии здоровья Сокольского.

– Окончательный диагноз пока еще не поставлен, сейчас проводится полное обследование. Но уже невооруженным глазом видно, что помимо сердца у Аристарха Васильевича букет серьезных заболеваний. Очень серьезных, – подчеркнула врач.

Глава 3

СОЕДИНЕННЫЕ КРАСНОСИБИРСКИЕ ШТАТЫ

По странному стечению обстоятельств, в то же время, когда в больничную палату, где пребывал губернатор, входили два его соратника, в кабинете генерального директора авиапредприятия «Серебряные крылья» Самощенко тоже появились два руководителя его предвыборного штаба. Это были председатель местного отделения «Союза справедливых сил» Вадим Николаевич Болгарин и Низами Вагифович Ширинбеков – президент охранного холдинга «Сибирь-Эскорт».

Евгений Владимирович Самощенко несколько дней отсутствовал в Красноярске. За это время он посетил две соседние автономные области. Еще перед отъездом Самощенко намекнул, что, вернувшись, возможно, сообщит им о неких судьбоносных решениях. Все догадывались, зачем он туда едет, однако, суеверно боясь спугнуть удачу, лишних вопросов не задавали. Вернувшись, Евгений Владимирович тотчас пригласил к себе двух самых близких людей.

– Проходите, дружочки, рассаживайтесь, как кому удобно. Чай, кофе желаете?

– Спасибо, я – пас. Хорошенько подкрепился дома, – сказал Ширинбеков и звонко пошлепал себя ладонью по животу: – Полный бункер.

– А я, пожалуй, хлебну кофейку, – согласился Вадим Николаевич.

По неписаному номенклатурному закону директор «Серебряных крыльев» был в костюме и рубашке при галстукке. Только не в темном костюме, какие обычно практиковались при советской власти, а светлом, цвета кофе с молоком. Этот дорожный костюм он купил в Англии, в одном из лучших лондонских магазинов мужской одежды, и тот придавал ему в высшей степени респектабельный вид. К тому же Самощенко был безупречно подстрижен и выбрит, благоухал отличной парфюмерной водой. Лицо его светилось затаенным торжеством. Чувствовалось, он хочет сообщить соратникам важную и приятную новость, однако не спешит, поскольку ему доставляет удовольствие поинтриговать их, поддержать какое-то время в неведении, чтобы потом от его слов получился большой эффект.

– Имею честь доложить вам, что у меня состоялись переговоры с губернаторами обеих областей, – приступил он к делу. – Нельзя сказать, что это была легкая прогулка, приходилось преодолевать определенное упорство, убеждать. Но, в конце концов, дело сделано – они согласились.

– Ну, Евгений Владимирович, вы – гигант! – восхищенно произнес Болгарин. – Bravo! Брависсимо!

Самощенко с шутливой церемонностью раскланялся, будто актер после спектакля.

– Неужели даже Супников согласился? – словно не веря своим ушам, спросил Ширинбеков.

– И он тоже. Хотя его пришлось долго уламывать.

– Действительно здорово. Хороший теперь у нас в руках козырь.

Речь шла об идее, которую вынашивал «Союз справедливых сил», а именно – предлагалось объединиться Красноярскому краю с двумя соседними автономными областями. В какой-то мере выдумка насчет укрупнения регионов не была оригинальной, поскольку уже произошло объединение Пермской области с Коми-Пермяцким автономным округом. Однако в ходе избирательной кампании каждой партии необходимо поставить во главу угла какую-нибудь конкретную проблему. Если «Союз справедливых сил» выскажется за интеграцию с соседями, другим партиям будет трудно придумать что-нибудь более весомое. И под этим соусом «справедливцы» могут намного опередить остальных конкурентов. Теперь, когда достигнута принципиальная договоренность с соседями, идею нужно срочно озвучить

по телевидению и в печати, тем самым закрепив за ней свои авторские права. Остальным только придется от зависти кусать локти.

Правда, до реализации объединения на практике путь еще ох какой далекий. Однако им вроде бы торопиться некуда, пускай канитель тянется годами, им это только на руку.

Довольные однопартийцы принялись живо обсуждать дальнейшие действия.

– В своих выступлениях нам нужно делать упор на практическую реализацию этих шагов, – сказал Самощенко. – Я уже пронюхал порядок действий. Перво-наперво объединение должно быть одобрено законодательными собраниями всех трех субъектов федерации.

– То бишь сами и одобрим, – оптимистично вставил Болгарин.

Пропустив его слова мимо ушей, директор продолжил:

– Затем на совете глав трех регионов нужно разработать соответствующее обращение к президенту, потом региональные депутаты должны его поддержать. Одновременно с этим нужно составлять прогноз социально-экономических последствий объединения, его условия.

– Приличная морока, – сказал Низами Вагифович.

– Само собой, – согласился Самощенко, – однако дело очень важное и нужное. Мы тут сейчас говорим без свидетелей, без журналистов, и все равно нужно признать, что для региона будет большая польза. Насколько мне известно, Кремль подобные шаги одобряет.

Евгений Владимирович с увлечением принялся говорить о том, что в документах, представленных для одобрения в законодательные собрания, должны быть подробно расписаны все условия правопреемственности между тремя субъектами и новым регионом, создания единого бюджета, сохранения федерально-целевых программ, функционирования органов власти, госпредприятий и учреждений.

– Лишь после одобрения идеи всеми тремя регионами процесс объединения вступит в практическую фазу. И во всех трех регионах должны состояться референдумы по вопросу объединения. Одобрит народ – тогда в Государственную Думу будет внесен проект конституционного закона об образовании в составе России нового субъекта. Нет – придется предпринимать новые усилия.

– Можно еще кофейку? – попросил Вадим Николаевич. Ширинбеков неодобрительно покосился на него. Вот ведь завзятый халаящик, не может сидеть спокойно, если дают что-нибудь бесплатно. Теперь будет дуть кофе до почернения, даже если не хочет. Низами Вагифович вспомнил, как оказался вместе с Болгариным на презентации нового сборника стихов одного местного поэта. Книжки лежали стопками на столе, так Болгарин взял себе пять экземпляров. Можно подумать, будет читать такое барахло и кому-то дарить.

– Евгений Владимирович, а почему Супников кочевряжился? Что его не устраивало?

– Конечно, его беспокоят финансовые схемы объединения. Да оно и логично. Каждому боязно остаться на бобах. Нам, кстати, тоже придется поволноваться, от этого никуда не денешься. Поэтому я набросал такой план многоступенчатого процесса объединения, который включает компенсацию расходов на содержание округов и затраты на новые инвестиционные проекты.

– Я думаю, хорошо бы получить в правительстве гарантии, что в течение какого-то времени, скажем трех лет, будут сохранены дотации автономным округам.

– Ты, Вадим, запиши это предложение, мы обязательно выскажем его в Москве. А если бы еще выцыганить из федерального бюджета поступление инвестиций под какие-нибудь масштабные проекты – это вообще мечта.

Они еще долго – Болгарин успел выпить три чашки кофе – обсуждали нюансы будущих действий, и настроение у всех было хорошее.

Глава 4

ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ

Безлепкину чуть ли не каждый день твердил Тамаре о важности ее работы, однако груз ответственности не давил на нее. Все получалось на удивление легко. Люди охотно отвечали на вопрос, какую из шести политических партий они поддержали бы, проходили выборы в краевое законодательное собрание сегодня.

Агентство «Народный голос» подписало договор с редакцией газеты «Красносибирские ведомости» о том, что у них будут регулярно, раз в неделю, публиковаться результаты социологических опросов.

Первый раз в лидерах оказалась «Неделимая Россия», набрав двадцать пять с лишним процентов. «Союз справедливых сил» отстал всего на один процент, остальные шли дружной стайкой, довольствуясь похожими цифрами порядка десяти процентов. Расстановка сил у последней четверки через неделю не изменилась. А лидеры поменялись местами: «Союз справедливых сил» обошел своего основного конкурента на четыре процента. Это очень большая величина.

Представитель редакции говорил, что результаты опросов первое время будут публиковаться по пятницам, мол, чтобы у читателей была на выходные дни пища для размышлений, а ближе к выборам печатать рейтинги даже чаще, два-три раза в неделю. Пусть анализируют, что к чему.

Тут ведь все настолько очевидно, думала Тамара, много времени для анализа не требуется. Скорее, это важно партийным активистам, они в первую очередь следят за прохождением дистанции.

Мысленно Тамара представляла себе некоего абстрактного партийного активиста в своем кабинете. Сняв пиджак и повесив его на спинку стула, он склонился над лежащим на столе свежим номером «Красносибирских ведомостей» и, обхватив голову руками, задумался...

Реакция лидеров «Неделимой России» была не столь идилличной. Каждый из них бурлил от негодования: как же так получилось?! Что же эти мерзавцы делают?! Каким образом эти негодяи «справедливцы» умудрились вдруг обойти их?!

Базилевский и Корсарин решили сразу ринуться в больницу к губернатору. Нужно успокоить Аристарха Васильевича, иначе тот разволнуется, а ему нельзя, и сразу же подумать об ответных действиях. Нужно дать бой супостату, чтобы обогнать его.

У Леонарда Глазурина, который навещал больного шефа утром, они узнали – Сокольский чувствовал себя вполне сносно, врачи могли его сегодня уже выписать, да он сам попросил остаться до воскресенья. Здесь такой комфорт – не хуже, чем дома: телевизор, мебель, кормежка по высшему разряду. Свежей прессой снабжают исправно, сегодняшние «Ведомости» с результатами опроса Аристарх Васильевич уже видел, однако, вопреки опасениям соратников, оставался достаточно спокойным. Скорее они взвинтили его, их беспокойство передалось губернатору. Корсарин, тот еще более или менее держался, а Базилевский распсиховался, прямо места себе не находил.

– Это все из-за объединения, вот на чем эти собаки спекулировали! Теперь будут носиться с ним, как с писаной торбой! И долдонить про объединение с утра до вечера.

Григорию Федоровичу было около пятидесяти. Он высокий, стройный, худощавый. На длинной шее покоится маленькая головка. Жидкие темные волосы гладко зачесаны назад. Маленькие глазки, маленький носик, маленький ротик. Только залысины у него большие, они уравнивают остальные мелочи, да очки он носит с большими стеклами. В принципе, у него очень фотогеничное лицо. На крупных планах Базилевский получается мудрым

и обаятельным. Партийцы учли это немаловажное обстоятельство – на предвыборных плакатах его снимки стараются делать максимально большого размера.

Его ровесник Корсарин вышел и ростом, и статью. Богатырского сложения человек. Полковник склонен к полноте, вид у него добродушный. Когда Владислав Игоревич в штатском, так он выглядит просто как добрый дедушка. Правда, он предпочитает везде появляться только в своей милицмейской форме, в кителе, украшенном бесчисленным количеством значков и планок.

– Нужно что-то придумывать, Аристарх Васильевич, – пробасил Корсарин. – Негоже нам отставать от «справедливцев» даже временно, это всегда производит плохое впечатление.

При их появлении Сокольский начисто забыл, что еще совсем недавно, лежа под капельницей, размышлял о бренности всего земного. Сейчас у него наблюдался прилив сил.

– Придумывать необходимо, друзья мои, кто же с этим спорит, – согласился губернатор. – Работы нужно вести по двум направлениям. Ты бы, Владислав Игоревич, подумал насчет грязной работы. А то получается, все в дерьме, одни они в белом.

– По части компромата?

– В частности. А то ведь глупый человек может подумать, что за ними не водится никаких грешков.

– Нет, мы постоянно делаем упор на то, что все демократы сплошные богачи, олигархи, – напомнил Базилевский.

– Так-то оно так. Только богатство в наши дни уже и не считается большим пороком, во всяком случае, это уже никого сильно не возмущает. Люди со средствами имеются в каждой партии. Нет, нужно найти что-то другое. Тигра нужна! Тигра!

Корсарин понял, раз губернатор обращается к нему, человеку из органов, значит, ему следует обнаружить в окружении «справедливцев» людей, которые не в ладу с законами. А дальше – в зависимости от сферы их деятельности: для наркодилеров подобрать одни рычаги влияния, для неплательщиков налогов – другие. Он пообещал заняться этим вплотную.

– Тебе, Григорий Федорович, тоже не следует сидеть сложа руки. Объединение – вот в чем суть! – патетически воскликнул Сокольский. – Также мне нашли козырь! Можно подумать, такой уж это безупречный вариант. Уверен, что объединение несет за собой массу недостатков. Их нужно выяснить, убедительно изложить свои контраргументы и сделать так, чтобы об этом узнали в Москве.

– Прямо сегодня займусь этим, – пообещал вице-губернатор.

– Да уж не откладывай в долгий ящик. Найдешь пару узких мест и сразу бабахни из всех стволов. Не нужно показывать, что мы изучаем их идею под микроскопом, занимаемся ловлей блох. Нет, ребята, недостатки вашего предложения очевидны, они видны на каждом шагу. – Аристарх Васильевич с отеческой теплотой улыбнулся соратникам: – Все ясно, друзья мои?

– Все понятно.

– Тогда, как говаривал Хрущев, за работу, товарищи.

Глава 5

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

В политической тусовке и особенно среди журналистов два заместителя руководителя администрации президента Крылов и Шатохин считались непримиримыми врагами. В прессе они часто высказывали противоположные взгляды, давали разные оценки одним и тем же событиям, на совещаниях так пикировались между собой, что присутствующим иной раз казалось, что дело до драки дойдет. Ну а многочисленные читатели газет вообще были уверены, что эти два обитателя Кремля так ненавидят друг друга, что дай им автоматы в руки – перестреляют.

Но вот заканчивалось очередное скандальное совещание с их участием, Крылов и Шатохин выходили из зала и преображались, словно артисты, отыгравшие спектакль и смывшие с лиц грим. На самом деле между ними были хорошие отношения, без малейшей фальши поддерживались все внешние атрибуты мужского приятельства. Они вместе ходили в баню и на футбол (оба заядлые болельщики «Спартака»), ездили на охоту, рыбалку, отправлялись семьями отдыхать за границу.

На сегодняшнем совещании спор между ними разгорелся по поводу объединения Красноярского края и двух соседних автономных областей. Эту идею высказал один из тамошних лидеров «Союза справедливых сил» Самощенко, которого в перспективе многие видели губернатором края. Роман Крылов поддержал такое предложение. Иначе и быть не могло. Он считал, что регионы нужно укрупнять, активно поддерживал объединение Пермской области с Коми-Пермяцким автономным округом. С чего бы ему вдруг изменить свои взгляды. Вдобавок ему импонировал Самощенко. Казалось бы, по возрасту Евгений Владимирович должен быть человеком старой закваски, он – бывший коммунист, сделавший при советской власти успешную карьеру. Ан нет – он не чужд современным новациям, при случае не прочь перенять любой полезный опыт, откуда бы тот ни исходил. Это среди номенклатурщиков его уровня редкость.

Егор Шатохин – ровесник Крылова, оба молодые, им обоим еще нет сорока. По всем статьям это люди одного менталитета, трудно сказать, почему их взгляды на многие явления так разнятся. Во всяком случае, Шатохин по каким-то одному ему известным причинам поддерживал Базилевского. Тот был консерватором и не скрывал, что станет продолжать политику прежнего губернатора, человека жесткого, с крутым нравом.

– А иначе, Роман, на такой должности и нельзя, – сказал Шатохин. – Станет рулить какой-нибудь мягкотелый раздолбай, вроде Самощенко, у него все сразу из рук вырвется. Интеллигентская деликатность в политике до добра не доводит.

Сейчас они сидели в одной из кремлевских столовых, куда вместе отправились сразу после совещания. Попади сюда рядовой человек, он бы ахнул от обилия вкусных и дешевых блюд, набрал бы столько, что с трудом смог бы все съесть. Крылову и Шатохину к такому меню не привыкать, поэтому обед у каждого выглядел достаточно скромно – на закуску оба взяли копченого угря, на первое – борщ, на второе – один шашлык по-карски, другой осетрину, дернули по сто граммов французского коньяка. Все обошлось в копейки.

– Зато Самощенко вольет свежую кровь, – возражал Крылов. – Это необходимо для нормальной жизнедеятельности организма. Тем более что географически регион очень отдален от центра. Видишь, как всех всколыхнула его идея насчет объединения.

– Идейка-то вторична, – скептически заметил Егор.

– Да хоть третична. Важно, что она высказана в нужный момент в нужном месте. То есть предложение сделано с учетом конкретных обстоятельств. Отсюда и большой резонанс.

– Но ведь и популизмом эта перспектива сильно пахнет. Если бы он об этом говорил раньше, независимо от конъюнктуры, тогда другой коленкор. Когда же кандидат в губернаторы этим спекулирует, то он производит впечатление обыкновенного торговца, обеспокоенного лишь собственной выгодой.

– А кто вообще знал его позицию?! Раньше у Самощенко не было возможности высказывать собственные идеи, не было у него трибуны. Сейчас же он знакомит людей со своими взглядами. Не вижу тут ничего зазорного. Все политики стараются привлечь на свою сторону избирателей.

Его доводы никоим образом не поколебали позиции Шатохина. Тот по-прежнему слушал его с насмешливой улыбкой. Потом он сказал:

– У Базилевского тоже имеются убедительные аргументы. Даже с чисто формальной точки зрения объединение потребует огромных затрат. И он не хочет превращать федеральный бюджет в дойную корову. Уже одно это делает ему честь.

– Много слов! И только! – Роман досадливо всплеснул руками. – Как ты не понимаешь, что потом он потребует как можно дороже оценить свое благородство и тогда действительно превратит бюджет в дойную корову.

– С чего ты взял?

– Да потому что хитрый Сокольский всегда действовал похожими методами. А ты сам сказал, что Базилевский верный продолжатель его дела.

Некоторое время они сидели молча. Шатохин машинально складывал и разворачивал пеструю бумажную салфетку. Наконец он сказал:

– Слушай, Роман, что, если сделать так: мы не вмешиваемся в их дела. Пусть сами разбираются, что хотят, то и воруют. Как получится, так и получится.

– Согласен, – кивнул Крылов. – Мне их выборы – тоже лишняя головная боль.

– Значит, договорились. Сами в Красноярске не звоним ни под каким соусом. Станут приставать – соблюдаем дистанцию, не позволяем им садиться себе на шею. А то если каждого кандидата поддерживать, никаких нервов не хватит.

После обеда они разошлись по своим кабинетам, находившимся в противоположных концах коридора второго этажа. Вернувшись к себе, Шатохин сразу позвонил Красноярскому вице-губернатору:

– Какие новости, Григорий Федорович?

– На четыре процента обошли нас «справедливцы» со своим объединением. Во всяком случае, об этом сообщает публикация в газете.

– Ну я так и думал. Только паниковать рано, не дергайтесь. Я тут сейчас разговаривал с Романом Крыловым, он по-прежнему горой за Самощенко. Мы договорились особенно не вмешиваться в ваши дела. Но ведь Роману верить нельзя ни на грош, совет и недорого возьмет. Это же первейший брехун в администрации. Поэтому вам требуется предпринять шаги по нейтрализации Самощенко.

– Что бы вы посоветовали, Егор Николаевич?

– Я? – удивленно переспросил Шатохин. – А почему я должен что-то советовать? Неужели у вас там не хватает головастых людей, чтобы решить проблему?! Сами думайте. Все, что от меня потребуется, я сделаю. Будьте спокойны. Но не могу же я отсюда уследить за всеми подробностями. Взять те же результаты опроса общественного мнения. С какой сырости они возникли? Почему их публикуют в таком виде? Вы уж потолкуйте по душам с этими социологами, свяжитесь с редакцией, чтобы в следующий раз такого не было.

В это же самое время сидевший в своем кабинете Крылов разговаривал по телефону с Красноярским – с генеральным директором «Серебряных крыльев»:

– Евгений Владимирович, я сейчас побеседовал с Шатохиным. Очень уж он заинтересован в том, чтобы на губернаторство шел Базилевский. Прямо землю роет. Уж так ему

этого хочется! Обещал сохранять объективность, но по глазам видно, врет. Он вообще слова правдивого не скажет, это за ним водится. Поэтому будьте начеку, ни в коем случае не расслабляйтесь. Теперь, когда Шатохин начнет делать «Неделимой России» многозначительные намеки, от них можно ожидать любой гадости.

Глава 6 ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

Алексей Фортунов часто думал, почему Ширинбеков уволил его, как говорится, среди полного здоровья, то есть без видимых причин. Думал, анализировал и не находил внятного ответа. Типичная ирония судьбы: обнаруживать затаенные обстоятельства жизни других людей умел – как частный детектив, а вот разобраться в причинах собственного увольнения долгое время не удавалось. И лишь постепенно из случайных реплик, из сделанных вскользь замечаний теперь уже бывших сотрудников он догадался – причина в женщине. Виной всему элементарная ревность Низами Вагифовича, хозяина агентства, в котором служил Фортунов.

Официально оно именовалось частным охранным агентством, имелся там и отдел детективного расследования. Работала у них в агентстве молодая женщина Ирина Сперанская, инженер-экономист. Было ей лет тридцать пять, в Красноярске она приехала не то из Омска, не то из Томска, где у нее остались родители. Ирина замуж никогда не выходила, причем непонятно почему – все было при ней: женщина содержательная, остроумная и внешне симпатичная. Фортунову было жалко, что она такая одинокая, Алексей чисто платонически оказывал ей знаки внимания, осыпал комплиментами. Близких отношений с ней он не искал – пусть даже эта Ирина и симпатичная, да его жене все равно в подметки не годилась. К тому же Фортунов не сторонник того, чтобы заводить романы на работе. Это всегда противно. Однако со стороны могло показаться, что человек воспылал к инженеру-экономисту страстью. Ей самой это могло показаться.

На самом деле оказалось, что эта тургеневская девушка, которая говорила, что вечерами в одиночестве смотрит телевизор и вышивает, была любовницей Ширинбекова. Однако уж так ловко они скрывали свою связь, что Фортунову и в голову не могло прийти такое. Поэтому и недоумевал: что это Низами Вагифович все чаще и чаще к нему придирается? Первое время он относился отлично, давал понять остальным сотрудникам, что возлагает на него большие надежды. А постепенно начал цепляться к Алексею с глупейшими замечаниями, покрикивать, когда они оставались наедине, а потом и при посторонних. Надоело это Алексею, и в один прекрасный день он уволился.

Увольнение Фортунова произвело в городе фурор. Все считали, что Алексей правая рука Низами Вагифовича, ведь тот сам частенько говорил про его способности и таланты. Некоторые видели в нем преемника Ширинбекова – те, которые были в курсе, что он готовится организовать новый охранный холдинг и один из «кустов» оставит на попечение верного человека, то есть Фортунова. И лишь люди, хорошо знавшие вздорный характер владельца охрannого агентства, находили это в порядке вещей.

Как ни покажется удивительным, Ширинбеков – коренной красноярец, здесь он родился и вырос, тут и сейчас проживают его родители. Вся остальная многочисленная родня обосновалась в Азербайджане. После окончания здешнего спецучилища ФСБ, где Низами был на хорошем счету, он умудрился перевестись в Москву и много лет трудился в центральном аппарате ФСБ, дослужился до звания полковника и даже возглавлял один из отделов.

При всяком удобном случае отставной полковник подчеркивал, что уволился из органов по собственному желанию. Формально так оно и было. На самом деле с таких должностей по своей воле никакой нормальный человек не уйдет, для этого должны появиться крутые причины. Ходили слухи, что у максималиста Ширинбекова, обладающего взрывным характером, возникли крупные неприятности, связанные с превышением власти и с обвинительным уклоном в расследовании дел. Сам Низами Вагифович причиной своего увольне-

ния называл мизерный оклад. Это звучало правдоподобно, тем более что в Красноярске он быстро сколотил одно из первых в стране частное охранное агентство, денежки потекли к нему ручьем. Достаточно быстро у его агентства появились филиалы в Москве и Санкт-Петербурге. Его клиентами были известные политики, представители шоу-бизнеса, телеведущие. Особенный авторитет его фирме придавали заезжавшие в Россию всемирно известные фигуры – барон Ротшильд, владелец оружейного концерна миллиардер Флик, модельер Пьер Карден, арабский шейх Ибн Яксан с гаремом и многие другие. Никого из них в России пальцем не тронули, а за услуги они платили охранной фирме баснословные деньги. Поэтому Ширинбеков жил припеваючи.

Однако помимо денег Низами Вагифовича очень привлекала власть. Этого у него не было. Был авторитет, много подчиненных, но настоящий власти, такой, которая заставляет повиноваться тебе сотни, а то и тысячи людей, увы, не было. Он же об этом беспрерывно мечтал, выискивал какие-либо пути к ее достижению, но всякий раз удача ускользала из его рук. Наконец сейчас ему показалось, что он сделал ставку на верного жокея – Ширинбеков возглавил предвыборный штаб партии «Союза справедливых сил». В случае победы у ее лидера, директора авиапредприятия Самощенко, появлялись большие шансы занять губернаторское кресло. Тогда Ширинбеков мог рассчитывать на место первого вице-губернатора. А это такая власть, при одной мысли о которой дух захватывало. Особенно если край объединится с двумя соседними автономными областями. Тут, считай, возникала возможность обладания правами похлеще иного заграничного президента. Сейчас же он никакой особенной властью не располагал. Разве что мог уволить Лешку Фортунува, осмелившегося «строить глазки» Ирке Сперанской.

Оставшись без работы, Фортунуов первые два месяца чувствовал себя спокойно. Кое-какие денежные накопления у него имелись, жена работала – она терапевт в районной поликлинике, значит, как думал, с голоду не помрут. Хотел со временем найти себе какое-нибудь дело.

Однако время шло, а никакой работы не подворачивалось. Раньше капитан Фортунуов служил на Северном Кавказе, в инженерно-саперных подразделениях. После сильной контузии он ушел в отставку. Затем, женившись, переехал в Красноярск, и у него здесь было мало знакомых. Известное дело – при устройстве на работу в первую очередь требуются личные связи. Нужно, чтобы кто-нибудь тебя привел, представил, рекомендовал начальнику. С этим у Алексея были проблемы. Его вообще нельзя назвать коммуникабельным человеком, он трудно сходилась с людьми. Фортунуов был таким молчаливым, что в школе его звали Герасимом.

Просидев два месяца дома, бывший офицер почувствовал легкую тревогу. Деньги таяли, новых поступлений не было, и не просматривалось никаких вариантов трудоустройства. Он призадумался: «Если и дальше так будет продолжаться, то на плечи жены упадет слишком большая нагрузка». Алексей не шиковал, он только курил, да и то в последнее время в этом стал себя ограничивать – начал покупать сигареты подешевле. И вдруг...

Какое все-таки счастье, что в нашей жизни существует это спасительное «вдруг». Без него жизнь была бы не только пресной, но и беспросветной. В самом деле, как можно жить на белом свете, если бы не существовало неожиданностей. Только они переводят жизнь человека на другие рельсы, и, разумеется, всякий надеется на то, что новая колея прямиком приведет его к счастью.

После завтрака Алексей сидел на кухне и, покуривая, читал свежую газету, вернее, изучал объявления о приеме на работу, когда раздался телефонный звонок. Поздоровавшись, вежливый мужской голос попросил позвать Алексея Эдуардовича.

– Да, это я.

– Очень приятно. С вами говорит Владислав Игоревич Корсарин.

Глава 7

ЗВОНОК НЕЗНАКОМЦА

Новое задание увлекло Тамару Капустину, и она работала не покладая рук. Анкеты распространялись на многолюдных сборищах: концертах, спектаклях и даже на спортивных соревнованиях. Во Дворце спорта проходил теннисный турнир, и Тамара каждый вечер возвращалась оттуда с целым рюкзаком заполненных анкет. Безлепкин напоминал ей о том, что должны быть охвачены все возрастные категории и социальные слои. Она ездила в институты, воинские части, районные собесы. Горожане были охвачены полностью. Сейчас Тамара готовилась провести опрос сельских жителей. После обсуждения в агентстве выбрала в качестве объекта деревню Зеркаловка, находившуюся в сорока километрах от Красноярска. Там есть железнодорожная станция, несколько магазинов и лесопильный завод. Но большинство жителей занято на сельскохозяйственных работах. Получится, что называется у социологов, репрезентативная выборка, ответы дадут типичную и точную картину.

Вечером накануне поездки в Зеркаловку у Капустиных дома раздался телефонный звонок.

– Тебя, – сказал Тамаре снявший трубку отец.

– Кто? – шепотом спросила она. Отец недоуменно пожал плечами.

– Тамара Александровна? – загурчал мужской голос. – С вами говорит некто Павел Иванович Ульянов. Я ваш коллега, социолог, занимаюсь опросом общественного мнения. Сейчас, в частности, мы изучаем отношение людей к различным политическим партиям перед предстоящими выборами в краевую думу.

Голос был приятный, а вот интонации довольно скользкие. Тамара сразу это почувствовала. К тому же ей не понравилось нарочитое обращение к ней по имени-отчеству.

– Тамара Александровна, мы ознакомились с подготовленными вами данными, публикующимися в «Красноярсских ведомостях», и крайне удивлены. Мы проводим аналогичный опрос, и у нас получились совершенно другие результаты.

– Не знаю почему...

– А я вам объясню. Потому что, Тамара Александровна, вы взялись не за свое дело. У вас еще нет опыта для такой важной работы. И то обстоятельство, что вы спешите обнародовать свои результаты, только подтверждает это. В спешке вы ничего не анализируете. Действуете по принципу «вали кулем, потом разберем». А ведь это очень важное дело – вы формируете общественное мнение.

Отец заметил, что Тамара сглотнула слюну и побледнела. Он понял: дочь ведет неприятный для себя разговор.

– Наше агентство публикует еженедельные данные по договоренности с редакцией, – оправдывающимся тоном сказала она.

– Значит, редакция надеялась получить качественную работу, а вы подсовываете явную туфту! Детский лепет на лужайке! – почти злобно произнес невидимый собеседник.

– А в чем наша ошибка? – Капустина перешла в наступление. – Почему вы так говорите?

– Ошибка в том, что вы публикуете фальсифицированные данные.

– Почему вы так думаете?

– Потому что у нас очень квалифицированный штат сотрудников. Мы все тщательно проверяем. «Неделимая Россия» лидирует со значительным отрывом. «Союз справедливых сил» борется с засевшими в ПАФе коммунистами за второе место. Вы же даете совершенно другую картину. Поэтому, Тамара Александровна, должен предупредить вас – если вы не

перестанете так нагло манипулировать цифрами, то пожалеете. Мы устроим дикий скандал и размажем по стенке и лично вас, и все ваше агентство! – почти прокричал собеседник и бросил трубку.

Тамара от страха была ни жива ни мертва. Александр Никитич заставил ее сесть, попить воды, после чего попросил дочь рассказать о так взволновавшем ее разговоре. Прервав готовку, из кухни пришла мать, Алевтина Ивановна. Тревога охватила и ее.

Тамара сбивчиво пересказала родителям содержание разговора. Выслушав ее, отец повернулся к жене:

– Ну что – дождалась?! Это – неприкрытая угроза. Даже за такую безобидную работу нашей дочке угрожают. И после этого ты будешь по-прежнему утверждать, что жить в этой стране безопасно.

Его слова были очередным доводом в их постоянном споре по поводу отъезда в Америку. Александр Никитич денно и нощно мечтал уехать туда, Алевтина Ивановна категорически возражала. Каждый постоянно находил доводы правильности своих взглядов.

– Подожди горячиться, – осадила мужа Алевтина Ивановна и спросила Тамару: – Как фамилия этого социолога?

– Ульянов.

– Нужно будет проверить, существует ли такой.

– Конечно нет! – воскликнул Александр Никитич. – Ребенку ясно, что фамилия вымышленная. Просто звонил кто-то из штаба «Неделимой России». Дочка, мне кажется, тебе не нужно завтра ехать в деревню. Это опасно.

– Я же уже договорилась на работе. Все подготовлено.

– Позвони Безлепкину и обрисуй ситуацию.

Мать согласилась, что имеет смысл рассказать о звонке начальнику.

Выслушав Тамару, Сергей Алексеевич сразу сказал:

– Не надо завтра никуда ехать.

– Хорошо, – ответила она.

Повесив трубку, Тамара сказала родителям:

– Он считает, что это происки конкурентов. Завидуют нашему союзу с редакцией. Поэтому в Зеркаловку можно смело отправляться. И правильно – подумаешь, всякие босяки будут указывать, что мне делать!

Глава 8

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ БЕСЕДА

Встреча была назначена в большом здании на окраине города. В нем размещалось много офисов – по обе стороны от входа вывески налезали одна на другую. Судя по всему, здесь была пропускная система, однако Фортунову пропуск не понадобился: направо перед турникетом начинался длинный коридор. Пройдя туда, он разыскал нужную комнату.

Постучав и услышав разрешительный отклик, Фортунов вошел в комнату без окон, где сидел охранник в форменной куртке.

– Вам к кому?

– К Владиславу Игоревичу.

– Ваша фамилия?

– Фортунов Алексей Эдуардович.

– Проходите. – Коротким кивком охранник показал на дверь, ведущую в следующую комнату.

Войдя туда, Фортунов увидел сидевшего на кожаном диване крупного мужчину в коричневом костюме. При появлении посетителя богатырь захлопнул книгу, которую до этого читал, бросил ее на журнальный столик и с приветливой улыбкой шагнул навстречу Алексею Эдуардовичу, протягивая обе руки. Его лицо сияло так, будто он встретил отца родного.

Кроме дивана и журнального столика, в комнате рядом стояли несколько разнокалиберных стульев и коричневый несгораемый шкаф.

– Скучности мебели не удивляйтесь, – предупредил Владислав Игоревич. – Это не мой кабинет, я просто находился в этом здании по делам. А работаю я первым заместителем начальника главного управления МВД по Сибирскому округу. Так что кабинет у меня более презентабельный, надеюсь, при случае убедитесь, и пусть вас не смущает убогость обстановки, в которой мы встречаемся. Вы же прекрасно понимаете, представители нашей службы не все дела делают во фраках и манишках.

Эти слова Фортунов слушал с отсутствующим выражением лица. Его интересовало только конкретное предложение о работе, не терпелось узнать, сколько денег ему будет предложено. Корсарин же, казалось, задался противоположной целью и делал все, чтобы оттянуть самый важный момент разговора. Он монотонно развивал свою мысль о несоответствии внешнего антуража, сплошь и рядом уродливого, и истинной сущности их работы – необходимой и героической.

– Это только в кино все бывает или только черным, или только белым. В жизни же все настолько переплелось в тугой узел, что порой невозможно различить, где кончается одно и начинается другое. Кажется, занят благим делом, а оно может оказаться вредным, и наоборот.

Лишь когда Алексей Эдуардович начал ерзать от нетерпения, Корсарин объяснил, что милиция не в силах совладать с одним наглым металлургическим магнатом.

– Это чума, бедствие. На него нет никакой управы. Связи, деньги, вечно он выходит сухим из воды. И всем вокруг известно, что это негодяй высшей марки, воплощенный порок, подлец, на котором пробы негде ставить. А официально справиться с ним не могут. Поэтому нами принято коллегиальное решение уничтожить его, что называется, явочным порядком. Общество после такого, мягко выражаясь, не совсем законного поступка вздохнет с облегчением. Это – логичный шаг, способствующий расцвету жизни. В глубине души его одобрит всякий мало-мальски здравомыслящий человек.

– То есть мне придется его взорвать? – уточнил Фортунов.

– Вообще-то вы его в глаза не увидите, – ответил Владислав Игоревич. – Ликвидация мерзавца задумана нами как многоступенчатая операция, в которой задействованы десятки людей. Каждый из них выполняет маленький кусочек работы. Надеюсь, понятно, какие преимущества мы получаем при таком способе устранения неугодного человека. На каждом участнике будет лежать минимальная ответственность, и практически он не будет чувствовать себя виноватым в содеянном.

В результате длительной беседы Алексей Эдуардович выяснил, что ему предстоит перевезти на чужой машине взрывчатку из одного района Красноярска в другой – с окраины в центр, туда, где расположен гараж металлургического магната. Там другие люди заберут у него груз, и он – свободен.

Фортунов прекрасно понимал, что без сообщников в таком деле не обойтись. Не действуют организаторы взрывов в одиночку. За десять лет чеченской кампании он пристрастился к войне. Алексей переживал из-за того, что власть в Чечне передали бывшим врагам и даже присвоили им высшие награды России. Неуничтоженный Басаев продолжает лютовать как ни в чем не бывало. Поехать туда и пострелять «духов» уже нельзя. Знакомый капитан из Новосибирска пострелял – по судам затаскали. А тут предлагают вести собственную войну. Почему бы и не вести, если ничего другого не умеешь, как машину водить да ставить фугас.

Когда Владислав Игоревич назвал сумму гонорара за эту работу и сказал, что в случае согласия сразу заплатит ему аванс, двадцать пять процентов, у Фортунува пропали последние остатки сомнений.

– Естественно, в нашем спектакле участвует ограниченное количество людей. Мы не можем трубить о готовящейся операции на каждом перекрестке. Зачем давать повод всякого рода правозащитникам выражать формальное недовольство нашими действиями? Опять же, пусть в глубине души они одобряют конечный результат, а рожи кривить станут. Поэтому могут случиться всякие накладки, – предупредил милицкий начальник. – В любом случае фамилия металлургического магната не должна прозвучать ни при каких условиях.

– Что если меня вдруг задержат?

– Ну, надолго-то не задержат, – усмехнулся Корсарин. – Мы будем держать ситуацию под контролем и быстро вас вызволим. Я все-таки не последний человек в нашем ведомстве.

– Пока вы появитесь, меня успеют обвинить в уголовном преступлении.

– Все нужно свести к политике. У нас такой вариант предусмотрен. Если что – каждый говорит, мол, готовилась акция устрашения против лидера партии «Неделимая Россия» Григория Базилевского. Почему отвлекающим объектом выбран именно он? Дело в том, что Григорий Федорович проживает в одном доме с магнатом. В том же доме, правда, живет и губернатор Сокольский. Однако Аристарх Васильевич, не скрою, сейчас сильно болен, это – уходящая фигура. А Базилевский политик новой формации, он будет одним из основных претендентов на губернаторский пост. Безусловно, сейчас у него много недоброжелателей. Попытка покушения на него никого не удивит. Вопросы есть?

Теперь Алексея Эдуардовича интересовали только технические подробности: время, место встречи, доверенность, по которой он имеет право пользоваться чужим автомобилем. Ни один из его вопросов не поставил Корсарина в тупик, и уверенность полковника милиции в успехе, она сквозила в его словах, постепенно передалась Фортуну.

После ухода довольного полученным авансом отставного капитана Владислав Игоревич позвонил Базилевскому и с воодушевлением рассказал ему об их договоренности. Правда, едва поговорил с первым вице-губернатором, как настроение его было слегка подпорчено, – позвонил начальник оперативно-розыскного отдела и сказал, что обнаружены следы главного бухгалтера коммерческого банка «Красноярсктрейдинг» Елены Кригер. Известие его не обрадовало.

С Кригер произошла дурацкая история. В пятницу вечером после гастролей вернулся ее муж, музыкант эстрадного ансамбля. Жены дома не нашел, записки она не оставила, а мобильник был заблокирован. Он начал названивать ее подругам – никто не знал, где она. На следующий день музыкант написал в милицию заявление о пропаже супруги. Корсарин обрадовался – ведь владелец «Красносибирск-трейдинга» приятель Ширинбекова. Возможно, он выделил средства на предвыборную кампанию Самощенко, а главного бухгалтера убрали как нежелательного свидетеля. Милиция встала на уши. Сейчас же легко выяснилось, что Кригер написала на работе заявление об отпуске, улетела в Москву, а оттуда в Грецию и, похоже, отправилась в теплые края не одна, а со своим любовником, юристом этого же банка. Значит, случился облом – хорошего компромата на Самощенко не получилось. Тем более нужно ценить договоренность с Фортунковым.

Глава 9

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЕ БИЛЕТЫ

Тамаре Капустиной очень понравилось в Зеркаловке. Обычно она если и попадала в пригороды Красноябсирска, это было только летом, в дачный сезон. У Капустиных имеются традиционные шесть соток, полученные давным-давно. Родители очень любят там возиться – мать выращивает цветы, отец следит за огородными грядками, Тамара по мере надобности помогала тому из них, кто в данный момент просил. Сегодня она поехала на электричке в противоположную от их дачи сторону, от Красноябсирска в северном направлении, и с удовольствием глазела в окошко на новые места, в основном разглядывая весенние пейзажи. Населенных пунктов по этой дороге оказалось совсем мало.

Приехав в Зеркаловку, она сразу направилась к председателю поселковой администрации, которому накануне звонила из города. Тот встретил молодую горожанку с распростертыми объятиями. Моментально созвал всех людей, которых заранее наметил ей в помощники. Тамара провела подробный инструктаж по поводу заполнения анкет. Обсудили объекты, где будут раздавать опросные листы. После этого она действительно могла приступить за еду, как настоятельно уговаривал председатель. Однако Тамара все же предпочла тоже участвовать в работе и пошла на лесопильный завод. Помимо всего прочего, хотелось поговорить с рабочими, прочувствовать их настроение, убедиться в правильности своих выводов. И казалось, беседы с ними все подтвердили.

Обратный путь тоже прошел без приключений. Тамара ехала в переполненном автобусе и была совершенно спокойна. Чего нельзя сказать о ее родителях. Алевтина Ивановна и Александр Никитич целый день не находили себе места, без конца звонили ей по мобильнику. Безлепки тоже очень волновался, и, придя домой, она первым делом позвонила ему – успокоила, услышав в ответ добродушную выволочку за непослушание.

Памятуя неприятный телефонный разговор с незнакомцем, Тамара предельно тщательно обрабатывала анкеты, неразборчивые и неправильно заполненные безжалостно выбрасывала. И все же окончательный результат полностью совпал с тем, который был на прошлой неделе.

Обычно Капустина передавала данные по электронной почте, потом звонила уточнить, получено ли. Когда она позвонила в этот раз, заведующий отделом информации, человек со смешной фамилией Платочек, попросил ее зайти в редакцию. Тамара даже не спросила зачем, решила, что нужно перед подписанием номера в печать проверить правильность материала.

Редакция находится недалеко от агентства, в пятнадцати минутах ходьбы. Платочек ничего не стал показывать, он даже не предложил ей сесть, а сразу сказал:

– Сейчас я провожу вас к нашему главному редактору. Он хотел с вами поговорить.

Заведующий отделом информации – человек среднего возраста, ближе к пожилому, и Тамара подумала, что уж главный редактор, наверное, постарше и посолидней. А увидев совсем молодого светловолосого парня, с трудом скрыла свое удивление.

Представив Тамару, Платочек совсем по-домашнему сказал ему:

– Костя, так я сметаюсь в типографию. Мне же не нужно присутствовать при вашей беседе?

– Конечно, идите, – кивнул главный.

Было забавно наблюдать, как подчиненный обращается к начальнику на «ты», а тот к нему на «вы». Она обращалась к заведующему отделом информации по имени-отчеству, а главного тот представил ей просто Константином.

– Тамара, я попрошу вас прочесть мне небольшую лекцию по социологии. Слышал, раньше у нас на социологов не учили, пришли специалисты из смежных областей, в основном из экономики, быстро все освоили. Мне почему-то казалось, что это сравнительно простая дисциплина. Тем не менее в редакцию звонят многие люди и высказывают недовольство теми данными, которые публикуются в нашей газете.

– Читатели?

– Они представляются как ваши коллеги, работающие в других местах. Эти люди утверждают, что тоже проводят опросы общественного мнения по поводу предстоящих выборов и у них получаются совершенно другие результаты.

– Ничего не могу сказать по этому поводу. Мне домой тоже звонил какой-то незнакомый социолог. Он даже угрожал, требовал, чтобы я перестала давать материалы для публикации в вашей газете.

– Даже так, – многозначительно произнес редактор. – А в принципе, могут ли быть у разных ученых различные данные?

Капустиной очень польстило, что редактор причислил ее к ученым. Она охотно рассказала про то, как проводятся опросы населения. Утверждала, что большого разброса в окончательных результатах быть не может.

– Давайте выпьем кофейку для поднятия тонуса, – предложил Константин.

Он включил электрический чайник, в котором быстро закипела вода, о чем известил щелчок выскочившей из гнезда пластмассовой кнопочки, насыпал в чашечки растворимого кофе и налил в них кипяток. Затем придвинул к Тамаре тарелочку с печеньем. Кофе был совсем невкусным, так же, впрочем, как и дешевое печенье. Видимо, редактор плохо умеет делать покупки, хватает то, что подвернется под руку. Самого Константина качество напитка не смущало, да он, видимо, и не обращал на него особого внимания – прихлебывал кофе машинально, явно думая в этот момент о другом.

– Мне тоже казалось, что, как ни считай, большого разброса быть не должно, – сказал он после паузы. – Поэтому частые звонки меня удивили. А теперь, после вашего рассказа, начинаю понимать эту кухню. Происходит обострение предвыборной борьбы. Представители какой-то из отстающих партий недовольны сложившейся картиной.

– Вы какую партию поддерживаете?

– У нас независимая газета, стараемся объективно освещать события.

– А вы лично?

– О своих личных пристрастиях я стараюсь не говорить вслух, – засмеялся он. – Чтобы ненароком не повлиять ни на кого из сотрудников.

Тамаре было приятно беседовать с этим человеком, и все же нельзя злоупотреблять его временем.

– Так я пойду? – спросила она.

– Вы торопитесь? – как ей показалось, разочарованно спросил Константин. – Ну, да, конечно, дела. В общем-то, вы все делаете правильно. Я просто хотел понять природу загадочных звонков. А что вы делаете послезавтра вечером?

– Еще не знаю, – покраснев, ответила Тамара.

– Послезавтра во Дворце культуры «Восход» состоится вручение ежегодных журналистских премий.

– Так поздно, в апреле?

– Обычно вручают в январе. Но в этом году, незадолго до церемонии, увы, был убит журналист из «молодежки», который делал острые репортажи из Чечни, и мероприятие перенесли. Там и наши сотрудники будут получать премии. Будет много народу, вы же и там можете провести опрос. Журналистов особенно уговаривать не придется, охотно ответят.

– Спасибо за подсказку. Я, наверное, так и сделаю.

– Вот на всякий случай вам пригласительный билет. – Редактор вынул из конверта большого формата два билета, один из которых протянул Тамаре. – И сидеть будем рядом, сможем продолжить наш разговор.

«Ему прислали два билета, один отдал мне. Может, он не женат, и обручального кольца нет, – подумала Тамара и тут же осадила саму себя: – Даже если женат, не обязан же ходить повсюду вместе с женой. Может, ей не с кем оставить маленького ребенка».

Так либо иначе она с удовольствием ожидала предстоящего праздника. Во Дворец культуры «Восход» она приехала загодя, чтобы предупредить директора о том, что собирается распространять опросные листы. Тот отреагировал на это спокойно, посоветовал, где лучше поставить столы, куда складывали бы заполненные анкеты. После чего сам провел ее в зал, где Тамара разложила анкеты по всем креслам.

Когда она вышла из зала в фойе, там уже было много народу. Люди собирались небольшими группками, оживленно переговаривались. Потом кто-то замечал знакомого, которого давно не видел, бросался к нему, образовывались новые группки. Стоял непрекращающийся гул сотен голосов.

Тамаре стала грустно: все вокруг общаются, а у нее здесь совсем нет знакомых. Вдруг она увидела пробиравшегося сквозь толпу Платочка. У того был удрученный, совсем не праздничный вид.

– Здравствуйте, Григорий Михайлович!

Тот отрешенно посмотрел на нее, будто не сразу узнал. Потом сухо ответил:

– Здравствуйте, Тамара, рад вас видеть.

– Ваш главный редактор дал мне пригласительный билет. Посоветовал провести здесь анкетирование.

– Да, да, – кивнул Платочек, – Константин пригласил. Только самого его здесь не будет. Вы слышали, что с ним произошло?

– Нет.

– Вчера вечером он возвращался домой и в подъезде был жестоко избит какими-то негодяями. Так что Константин находится в больнице.

Глава 10

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Увидев наполненный взрывчаткой багажник, младший лейтенант Воронин вызвал патруль, а сам тем временем позвонил в отделение, подробно доложил о страшной находке. Узнав, что заминированная машина находится аккуратно возле губернаторского дома, дежурный приказал, оставив возле нее охрану, не мешкая доставить террориста в милицию.

Все это время Фортунов в наручниках с безучастным видом стоял возле «пятерки». Казалось, поднимавшаяся тревога его совсем не касается. Будто он знал что-то такое, неизвестное младшему лейтенанту, что выложит в нужный момент в нужном месте, и после его слов вокруг сразу наступят тишь да благодать, а от нарастающего беспокойства не останется и следа.

Когда задержанного привезли в восьмое отделение, туда уже съехались представители всех спецслужб: угрозыска, краевого управления по борьбе с преступностью, прокуратуры, ФСБ и милицееское начальство. Еще бы – такого количества взрывчатки было достаточно для совершения мощного теракта.

Начальник восьмого отделения капитан Чебутыкин был слегка ошарашен нашествием такого количества высокопоставленных гостей. Он старался поменьше мозолить им глаза. Выделил для работы с террористом кабинет, компьютер, а сам занялся разминированием машины Фортунова. Все вполне логично – ведь руководство ходом расследования взял на себя оперативный штаб, сразу организованный прибывшими высокими чинами, среди которых были непосредственные руководители Чебутыкина из УВД и ГУВД. Он действовал по их приказам.

Оперативная группа УБОП приступила к допросу. Его проводил майор милиции Приходько. Владимира Георгиевича милиционеры знали как человека вспыльчивого, импульсивного, общение с ним задержанному сулило мало хорошего.

Фортунов почувствовал, что допрашивающий его майор относится к нему с явным предубеждением, не верит ни одному слову. Тем не менее Алексей Эдуардович оставался совершенно спокойным. Он знал, что это всего лишь хорошо срежиссированный спектакль, призванный убедить окружающих в подлинности происходящих событий. Однако с минуты на минуту здесь появится Владислав Игоревич Корсарин, и занавес опустится. Он же, Фортунов, смыв с лица грим, спокойно отправится домой, к жене и сыну.

Привычно задав задержанному первые ознакомительные вопросы, Приходько взял быка за рога:

– Гражданин Фортунов, на кого вы готовили покушение?

– На этот вопрос я буду отвечать только в присутствии полковника Корсарина, – ответил Фортунов таким тоном, каким обычно арестованные говорят о необходимости присутствия адвоката. Майор буквально поморщился от этих слов. Он вспомнил, что вчера встречался в управлении с Корсариным. Между ними состоялась короткая беседа, коснувшаяся, в частности, возможных терактов, и Владислав Игоревич заметил вскользь, что в подобных случаях незамедлительно сообщать об этом ему в любое время дня и ночи.

Приходько позвонил полковнику, и ему показалось, что тот выслушал новость о задержанном террористе без особого удивления.

– В каком месте его задержали?

– На Октябрьской, прямо возле губернаторского дома. Дело нешуточное.

– Сдается мне, дело не только в губернаторе, – задумчиво произнес Корсарин. – Меня больше настораживает то, что в том же доме живет вице-губернатор Базилевский, который

к тому же один из лидеров «Неделимой России». Эта фигура сейчас для многих является более сильным раздражителем.

– То есть надавить на босняка в этом направлении? – понятно спросил Владимир Георгиевич.

– Допрашивайте его. Я скоро подъеду в отделение. Однако на все дальнейшие вопросы Фортунов отвечать отказывался, чем довел нервного Приходько до белого каления. Выскочив в коридор, майор зашел в дежурку.

– Дай РП! – попросил он у дежурного лейтенанта резиновую палку.

От обилия прибывших бонз у того уже голова кругом. Документы никто не предъявлял, не станет же он спрашивать их у этого майора, который нетерпеливо талдычит: «Давай, давай». Дежурный вопросительно посмотрел на находившегося в тот момент рядом подполковника.

– Выдай, раз человек просит, – сказал тот. Приходько вернулся в комнату к допрашиваемому. На его лице змеилась дьявольская улыбка. Владимир Георгиевич ритмично постукивал дубинкой по ладони левой руки, словно под слышную только ему мелодию разогревал резиновую палку для работы.

– Ну, так кого же ты собирался взорвать?

Ему показалось, что Фортунов не только не испугался, но даже насмешливо посмотрел на него. Мол, переборщил ты, голубчик, исполняя роль старательного оперативника, слишком банально действуешь. Вряд ли Корсарин похвалит тебя за это.

После сильнейшего удара по голове лицо Фортунова исказилось от боли, изо рта потекла кровь. Однако вид поверженного строптивца не остановил, а только раззадорил оперативника. Все больше входя в раж, он дубасил его палкой, приговаривая: «Будешь признаваться, скотина, или будешь молчать?!»

Когда Корсарин приехал в отделение, Фортунов был мертв.

Глава 11

ТЕХНАРЬ-САМОУЧКА

Помощник красносибирского губернатора Леонард Глазурин, мужчина двадцати восьми лет от роду, морально был готов к самому худшему развитию событий. Самым же худшим для него был вариант, когда Аристарх Васильевич лишится своей нынешней должности. Теперь реальность этого события не вызвала сомнений у сотрудников аппарата. Накануне Леонард беседовал в больнице с лечащим врачом губернатора, и Надежда Павловна под жутчайшим секретом призналась, что у Сокольского обнаружен рак поджелудочной железы. Вдобавок в организме бедняги угнездились и другие болячки, вызванные наплевательским отношением к режиму: тут и курение, и водочка, и длительное пребывание на солнце. Хотя, казалось бы, Аристарх Васильевич во всем соблюдает меру: курит не слишком много, и хорошие сигареты; водочку принимает в основном во время обеда по выходным – полбутылки в субботу, столько же в воскресенье. Правда, приходится и среди недели, на деловых переговорах или банкетах, тяпнуть рюмочку-другую. Однако при этом всегда и везде отличная закуска, не захмелеешь. На солнышке жарится только во время отпуска, летом же на даче ходит в панамке. Тут дело не только в солнце – клещей боится.

Все эти мелкие нарушения режима в совокупности сказались на здоровье. Теперь – недолго уж. Что будет с Глазуриным после ухода Аристарха Васильевича, это одному Господу известно. Во всяком случае, ничего хорошего. Даже если преемником Сокольского станет человек из его окружения, не факт, что он оставит при себе Глазурина. Мало ли у него более близких знакомых! Хотя у Леонарда мягкий, можно сказать, робкий характер, теплые отношения с аппаратчиками у губернаторского помощника не складываются. Не способен он изображать искренние симпатии к этой зажавшейся публике. Больше того – при всяком удобном случае собирает на них компромат, это стало его настоящим хобби. Неизвестно, как в дальнейшем сложится жизнь. Поэтому следует пополнять свой арсенал всеми видами оружия, которое может пригодиться в трудную минуту.

Следует признать, на двадцативосьмилетнем жизненном пути Глазурина не посчастливилось встретить мудрых советчиков, ему до всего пришлось доходить собственным умом. Лишь прилежное штудирование книг и газет подсказывало немало стоящих идей. У Леонарда вообще существовала теория – можно и нужно читать все подряд, без разбора, поскольку заранее неизвестно, что принесет пользу. Однако даже в подобной бессистемности порой проскальзывала закономерность. Вернее, она проявлялась при частом повторении. В частности, излишне назойливое упоминание в печати про всякие подслушивающие устройства надоумило его самостоятельно освоить современные технические новинки.

Пользуясь учебниками и справочниками, дипломированный юрист Глазурин изучил слаботочные устройства не хуже дипломированного выпускника института связи. Сам шутил, что теперь его можно поздравлять с Днем радио. Родители знали: если по воскресеньям Леона нет дома, значит, сын поехал на радиорынок Пархомовку аналог московской Горбушки. Попадая туда, Леонард прочесывал рынок вдоль и поперек, по дешевке приобретая всевозможные детали, из которых дома монтировал подслушивающие устройства. С некоторых пор он ходил на все деловые встречи с миниатюрным мощным диктофоном, размером меньше сигаретной пачки. На работе, в краевой администрации, в некоторых комнатах установил «жучки», пару из них пристроил даже в кабинете губернатора. Его фонотека, которой Глазурин очень дорожил, день ото дня пополнялась свежими записями. Видимо, немало ценного материала появится в ней и сегодня, когда вышедший после болезни Сокольский пригласил к себе Базилевского и Корсарина. Присутствовал на встрече и помощник губернатора, которому Аристарх Васильевич безоговорочно доверял.

– Ну? – спросил Сокольский, обращаясь в первую очередь к полковнику милиции. – Что там стряслось с бывшим подводником?

– Неувязочка вышла, – разведя руками, сокрушенно ответил Корсарин. – Сначала все шло по сценарию, и Фортунов свою роль исполнил на совесть. Вел себя как положено, когда его задержали, доставили в отделение, и на допросе был молодцом. К нему никаких претензий нет. А этот дурень Приходько все испортил. Не дождавшись моего приезда, вошел в раж, он же психованный, завелся и начал вести допрос по-настоящему.

– Так он был предупрежден?

– Я ему намекнул, чего в конце концов нужно добиться. Но ведь такому болвану говорить бесполезно: в одно ухо влетает – в другое вылетает. Поэтому мы и остались с носом.

Глазурин спросил:

– Вы рассказывали ему все подробности операции?

– В том-то и дело что нет. Может, тогда бы этот болван не проявил такого рвения.

– Кто знает, – усмехнулся Григорий Федорович. – Дуракам закон не писан.

– Правда, потом Приходько искупил свою вину, – продолжал полковник. – Задержал якобы двух подельников Фортунова. С ними уже обращался поосторожнее. Однако те парни сами перепугались до смерти и наговорили на Ширинбекова черт знает какую напраслину. Такую ахиною несли, что ребенок не поверит.

– Например?

– Сказали, будто знают гараж, где похоронена бухгалтерша Кригер, которую убили люди Ширинбекова. А эта чушка жива-здоровая, греет пузо в Греции, куда умотала со своим любовником.

– М-да, хорошие результаты, – вздохнул губернатор. – С такими далеко уедем.

– Если у них все показания такие достоверные, считай, впустую потратили столько времени и сил.

– Нет, Григорий Федорович, не все, – сказал полковник с язвительными нотками в голосе, отчего остальные насторожились. – Кой-какие их откровения соответствуют действительности. Однако как раз для тебя было бы лучше, если бы не соответствовали.

– Слава, я тебя умоляю – не говори загадками.

– Они сказали, что наш друг-соперник Низами свет-Вагифович Ширинбеков страстно влюблен в очень привлекательную женщину по имени Алена Углова. Втрескался в нее наш землячок кавказской национальности, можно сказать, по самые уши и предпринимает невероятные усилия, чтобы добиться ее благосклонности.

При этих словах Базилевского чуть было не хватил апоплексический удар – его лицо покрылось багровыми пятнами, на лбу набухли жилы. Казалось, еще немного – и из ушей повалит дым.

Григорий Федорович сам был безумно влюблен в журналистку Углову. Они познакомились год назад, и вскоре Базилевский поймал себя на мысли, что мечтает об этой женщине денно и ночью, не представляет без нее жизни. Алена еще не давала первому вице-губернатору никаких авансов, а он уже начал готовить площадку, на которой впоследствии надеялся возвести дворец своего нового семейного счастья. Подготовка заключалась в разводе с первой женой, которая потеряла былую привлекательность и вообще надоела ему хуже горькой редьки: глуповатая, любопытная, все время сует нос в его дела, постоянно интересуется астрологическими прогнозами, пытается вести себя в соответствии со «звездными» рекомендациями. Он и без Угловой мечтал развестись с ней, а когда появился столь мощный стимул, решил как можно скорее превратить грезы в реальность.

Путь Григория Федоровича к успеху не был усыпан лепестками роз. Когда дошло до дела, выяснилась, что у него нет к супруге мало-мальски серьезных претензий. Не то что в суде – ему даже ей самой сказать нечего. Уж о нем-то жена заботилась: кормила, обстиры-

вала, носилась с любимым супругом как с писаной торбой. Пришлось Базилевскому взвалить вину на свои плечи. Он стал капризным, ворчливым, придирчивым. Сказал, что деловая жизнь привела его к импотенции. Лидия Петровна ответила, что это ее не смущает. Тогда вице-губернатор начал поедом есть ее за то, что она завела себе любовника. Разве иначе жена может жить с импотентом?! Денег домой он стал приносить мало. Лидия Петровна, проявляя чудеса изворотливости, установила, где находятся магазины подешевле, где есть какие-то скидки, и кормила мужа по-прежнему восхитительно.

Но в конце концов и она устала терпеть его закидоны – развелась. Базилевский в знак благодарности купил ей хорошую квартиру в микрорайоне. Отныне у него появилась возможность привести Алену Углову в свой дом полновластной хозяйкой. Однако та почему-то медлила, отказывалась от своего счастья.

Сейчас Угловой тридцать два года, она хорошая журналистка. Алена принадлежит к людям, которые сами себя сделали. Ее мать почтальонша, отец заводской механик, они живут в райцентре под Красносибирском. Родители не особенно усердно воспитывали дочь, и к тому же они развелись со скандалом, когда девочке было десять лет. Алену всегда выручала природная смекалка. Однако недостаток интеллигентности на первых порах сильно мешал ее карьере. После института она работала в отделе культуры одной из газет. Как-то взяла интервью у известного красносибирского поэта и «под занавес» попросила его познакомить читателей с каким-нибудь новым стихотворением. Тот дал стихотворение из четырех строф, а получив газету, пришел в ужас: последней строфы вообще не было, а вторая и третья помещались местами. Разгневанный поэт позвонил журналистке и отругал: «Почему вы не вычитали материал?!» На что Углова простодушно ответила: «Я сама сделала эти изменения. Мне казалось, так лучше».

Из редакции ее тихо убрали. Благо, тут организовывался новый гляцевый журнал, и очередной поклонник устроил ее туда ответственным секретарем. В первом номере был опубликован отрывок из мемуаров Ходасевича «Некрополь». Когда Алена делала разметку номера, она выписала давно скончавшемуся автору, представителю первой волны русской эмиграции, гонорар.

Из журнала ее уволили с треском. Однако ей снова повезло – в периодике стала культивироваться светская хроника. В этом жанре Углова оказалась незаменима. Она устроилась в новую газетку «Триумфальная арка» и с тех пор вообще перестала ужинать дома: каждый вечер премьеры, вернисажи, презентации, на одной из которых, кстати, она и познакомилась с Базилевским.

Это был один из самых высокопоставленных ее знакомых, и Алена решила использовать нового приятеля на все сто. Первой целью было занять ключевой пост в каком-нибудь престижном издании. Ответственным секретарем «Триумфальной арки» Григорий Федорович ее сделал, однако Угловой этого было мало. Вскоре она узнала, что из популярной газеты «Красносибирское зеркало» заместитель главного редактора переехал на работу в Москву. Остальное было делом техники: первый вице-губернатор помог красавице занять освободившийся кабинет. Атеперь она за его спиной крутит шуры-муры! И с кем – с представителем вражеского стана, одним из его заклятых врагов.

Выскочив из кресла, раскрасневшийся Базилевский, грозно сверкая очками, лихорадочно зашагал по кабинету. Потом остановился, по-наполеоновски скрестив на груди руки. Нельзя распускаться при посторонних, нужно вести себя по-мужски.

– Слава, разве можно доверяться каким-то сплетням!

– Григорий Федорович, сплетни я не передавал бы. Есть факты, которые подтвердились. Если что-нибудь здесь говорится, то только для твоего же блага. Ну и для пользы общего дела.

Сокольский насупился:

– Не хватало только выставять наших людей на посмешище.

– Ширинбеков же женат, – словно вспомнив важную вещь, сказал вице-губернатор.

– Слав, ты чисто ребенок, – снисходительно произнес Корсарин. – Никто же не говорит, что он холост. Речь о другом. Как будто жена кого-нибудь когда-нибудь могла остановить.

Принявшее обычный цвет лицо Базилевского снова пошло красными пятнами.

– А ты мне ничего не должен говорить! – завизжал потомственный интеллигент. – Ты просто не должен этого допустить!

Полковник растерялся:

– Хорошенькое дело. А что я мог тут изменить?

– Что? Очень много. Тебе объяснить?

– Желательно. Я ничего не понимаю.

– Ты должен это Ширинбекова убраться к чертям собачьим. Чтобы духа поганого его тут не было! Чтобы он не топтал русскую землю своими кривыми волосатыми ножонками!

Корсарин беспомощно развел руками, а Григорий Федорович все больше распалялся:

– И это не мое эгоистическое желание. Это – требование партии. Враг – он и есть враг. Чем меньше врагов, тем легче жизнь. Ты должен превратить этого босяка в крематорский пепел!

– Аристарх Васильевич, – обратился полковник к губернатору, – ехать в «Красный флаг»?

– А я что? Григорий дело говорит. По-моему, современные выборные технологии допускают любые методы борьбы. В том числе и такие. От Самощенко я бы тоже с удовольствием избавился.

– То есть это – приказ?

– Приказ! – завизжал Базилевский. – А уж как его выполнить, сам подумай. Ты же милиционер.

«Долго они мелют языками, – с неприязнью подумал помощник Глазурин. – Как бы в диктофоне не кончилась пленка».

Глава 12

ДВА БАНКЕТА

Настроение Самощенко менялось по несколько раз на дню. Иногда – и это было чаще – он чувствовал уверенность в своих силах и не сомневался в грядущих успехах. Порой же Евгения Владимировича охватывало настроение, близкое к паническому, все вокруг казалось искусственным и эфемерным, способным в одночасье рухнуть и оставить его возле разбитого корыта.

Насчет разбитого корыта – это, разумеется, большое преувеличение. Чем бы ни закончились выборы, предприятие всегда останется за ним. Вряд ли кто-нибудь станет менять руководителя, который много лет успешно работает. Его завод – одна из опор краевого бюджета. Не случайно среди умеющих считать деньги зарубежных инвесторов и американцы, и французы, и очень уж осторожные китайцы. Начнись на «Серебряных крыльях» пертурбации, иностранцы мигом исчезнут оттуда вместе со своими капиталами.

Ко всем прочим заботам Самощенко не может не думать и о своем приближающемся пятидесятилетии. Юбилей – это вопрос серьезный. Необходимо организовать праздник. Значит, нужно подумать о помещении, о приглашениях, никого не забыть и не обидеть. Знакомых же у занимающего такую должность человека тьма-тьмуша, ко всему прочему сейчас появились товарищи по партии. Возможно, придется отмечать два раза: на заводе – с сотрудниками, а с городским руководством, соратниками по партии, родственниками – в ресторане. Придется раскошелиться, чтобы не дай бог перед выборами не говорили, будто он гуляет за казенный счет. Сейчас же за ним смотрят под лупой. Одно неверное движение, и газеты поднимут такой трезвон, что мало не покажется.

Подробности обсудили на семейном совете. Жена и сын согласились, что целесообразно разбить праздник на две части. Сразу собрать всех невозможно при всем желании: в городе такого помещения нет. А так можно: на работе есть конференц-зал, где отмечаются всякие торжества, устраиваются банкеты. Что касается ресторана, тут тоже нет сомнений – только «Стратосфера». Его хозяин, Сигизмунд Комаровский, давний приятель Ширинбекова, Евгений Владимирович с ним тоже хорошо знаком. Сигизмунд все организует как положено, его вкусу вполне можно доверять, да и лишнего не возьмет.

– Сколько денег! – причитала жена. – Это сколько денег придется ухлопать.

– Ничего страшного, – успокаивал сын. – Будут такие подарки, что все возместится с лихвой. Будешь считать, что деньги потрачены на покупку вещей.

– Ну конечно! – возражала жена. – Купили-то бы мы вещи нужные, а надарят разное барахло. Потом не будешь знать, куда его девать. Представляю, сколько ваз появится в доме.

– Вот и хорошо. Будет куда ставить цветы.

Евгений Владимирович позвонил Комаровскому. Договорились, что назавтра жена заедет в «Стратосферу» и обсудит с хозяином меню.

Сигизмунд Доминикович любезно принял ее в своем крошечном кабинетике. Разложил веером карточки со списком блюд и сразу предупредил:

– На цены вы не обращайте внимания. Я постараюсь не злоупотреблять добротой вашей замечательной семьи. Мы, рестораторы, знаем, где можно купить продукты получше и подешевле. Кроме того, я подготовлю Евгению Владимировичу сюрпризы от себя лично. Поэтому часть угощения будет моим подарком юбиляру.

На предприятии Самощенко столом занимались сотрудники заводской столовой, тут у директора тоже не возникло никаких проблем. Самая большая сложность заключалась в составлении списка гостей на банкет в «Стратосферу». Здесь Евгению Владимировичу нужно было проявить виртуозную ловкость, чтобы сохранить оптимальное соотношение

между его друзьями и недругами. К последним относились нынешние руководители города, не пригласить которых было нельзя.

Собственно говоря, недругами таковые стали лишь с приближением выборов. До этого у директора «Серебряных крыльев» были хорошие отношения с городской верхушкой. Ни они не создавали ему лишних забот, ни он им. Случись его юбилей год назад, вообще не было бы никаких проблем – банкет представлял бы собой сборище единомышленников. Сейчас подобной идиллии ожидать не приходится. Даже боязно – вдруг кто-нибудь выпьет лишнего и начнет выяснять отношения, испортит весь праздник.

С календарем в этом году Евгению Владимировичу повезло: день рождения у него 23 марта, выпал на среду. На заводе хорошо и душевно отпраздновали его юбилей. Чувствовалось, сотрудники процветающего предприятия искренне любят своего директора. Всех сразу конференц-зал принять был не в состоянии, поздравлять приходили цехами и отделами. Самощенко чуть ли не весь день провел на ногах, постарался правильно распределить силы, поэтому почти не пил. Однако к концу дня устал – очень трудно так долго быть в центре внимания. Хорошо, что теперь можно сделать двухдневную передышку до субботы.

В «Стратосфере» манкировать своими обязанностями было невозможно. Это подчиненные не станут заставлять своего директора пить после каждого тоста до дна. А тут собрались в основном близкие люди! Здравицы следовали одна за другой. Главное – все шло настолько гладко, что юбиляр рукой махнул на всякую осторожность: пил одну рюмку за другой. Он побаивался, что какую-нибудь пакость могут устроить гости из стана его политических противников, а таковыми являлись люди из «Неделимой России», обладающие нынче в Красноярске властью. Однако и Базилевский, и Корсарин, и другие представители городской администрации держались в высшей степени тактично. Передали юбиляру поздравления от губернатора Сокольского, который, разумеется, был приглашен, однако не смог прийти, поскольку находился в больнице.

Вел стол Болгарин. Опытный халявщик, то и дело болтающийся по банкетам, он говорил так, что ему мог позавидовать кавказский тамада. Даже не отличающегося излишней молчаливостью Ширинбекова он запросто мог заткнуть за пояс. Вдобавок у Вадима Николаевича нашлась хорошая помощница – Алена Углова. Складывалось впечатление, что выступал хорошо отрепетированный дуэт, хотя на самом деле это был экспромт чистой воды.

Хозяину «Стратосферы» были известны вкусы юбиляра, ведь он частенько столовался в его заведении. Комаровский приготовил Евгению Владимировичу угощение с пивным уклоном. Тут было и любимое им баварское пиво «Кромбахер», специально доставленное из Мюнхена, и бельгийское «Квик», и голландское «Хайнекен». Их сопровождали немецкие пивные колбаски, американские лобстеры, испанские креветки. И что уж совсем удивительно – свежие раки. Раки? Ранней весной? Самощенко не находил слов благодарности для Сигизмунда Доминиковича. Ведь тот не только его угостил – чувствовалось, все гости искренне довольны столом. Такое удовольствие не спишешь на снисходительность, вызванную обильной выпивкой.

Евгений Владимирович так наелся и напился, что еле дышал. Приехав домой, тут же завалился спать. Завтра воскресенье, и он собирался дрыхнуть до середины дня. Все-таки подготовка и празднование юбилея – изматывающая, стрессовая ситуация, а теперь требовалось какое-то время, чтобы прийти в себя и обрести рабочую форму.

Проснувшись утром от сильной головной боли, Самощенко сразу понял, что еще очень рано. За окном было светло, но жена еще спала, а она была такой жаворонок, каких еще поискать. С трудом поднявшись, Евгений Владимирович проковылял в ванную, по пути взглянув на светящееся табло часов – пять минут седьмого. Здорово же он вчера перебрал. Вот что значит мешать коньяк с пивом. Теперь придется лечиться – либо тяпнуть пивка, либо выпить крепкого черного кофе, обычно ему это помогало. Но странно – холодного не хотелось, да и

на кофе почему-то не тянуло. Почистив зубы, Самощенко опять забрался в постель, надеясь снова заснуть, да никак не удавалось, а подниматься – сил не было, ощущалась невероятная слабость. Впервые в жизни с ним происходило такое.

Евгений Владимирович списал свое состояние на вчерашнее лихое празднество, мысленно отругав себя за потерю контроля – ведь сколько раз давал слово следить за собой – и морально был готов к тому, чтобы валяться в постели, постепенно приходя в норму. Вспомнилось извечное – время лучший лекарь.

Он безуспешно пытался заснуть. Потом вдруг почувствовал, как все тело покрывается испариной, начался пронзительный озноб, который постепенно усиливался. Самощенко беспокойно ворочался с одного бока на другой, скрючившись, с головой закутывался одеялом, от озноба начали стучать зубы.

Проснувшись на своей кровати Людмила Сергеевна поначалу тоже списала скверное самочувствие мужа на похмельный синдром. По образованию инженер, специалист по авиационным двигателям, она, как и многие ровесницы, увлекалась медициной. Не только сама, но и многие ее знакомые считали Людмилу Сергеевну докой по этой части. Подруги часто звонили ей, спрашивали, какие лекарства принимать в том либо ином случае.

Через час-другой жена догадалась, что простая выпивка не могла так сильно подкосить Евгения Владимировича. Хотела его накормить, прибавить силенок, но на еду он и смотреть не мог. Измерила температуру и ахнула – за сорок.

Дальше – больше: голова стала сильно кружиться, началась рвота. Тут самостоятельных знаний Людмилы Сергеевны стало явно недостаточно. И она решила вызвать врачей, что и было сделано в середине дня.

Больница краевой администрации, куда «скорая помощь» доставила директора «Серебряных крыльев», находится сравнительно недалеко от дома Самощенко. Людмила Сергеевна пошла туда пешком, надеясь, что, пока дойдет, врачи поставят диагноз, примутся за лечение и, возможно, сбьют температуру. Однако ее надежды не оправдались: два метавшихся в палате Самощенко доктора – женщина и мужчина – выглядели такими же растерянными, как и она сама.

– Ничего не понимаю, – призналась врачиха, – феноменальный случай комплексной инфекции. Поражено все чохом – желудок и легкие, гортань и селезенка.

– Может быть, это отравление, – предположила Людмила Сергеевна.

– Только не пищевое, – уверенно сказал врач. Доктора крепились до самого вечера – не хотели вызывать в воскресенье профессора Плиткина, который считался в Красноярске диагностом номер один. Так сложились обстоятельства, что перед этим его беспокоили пять ночей подряд. Но все-таки после долгих препирательств, отчаявшись, позвонили ему.

Артур Михайлович Плиткин появился в больнице вскоре после звонка. У него была одна черта, о которой не догадывались коллеги, а сам он ее всячески скрывал – в глубине души профессор любил экстремальные ситуации. В подобных случаях он делал вид, будто недоволен, ворчал, что все эти пожарные «срочно», «забудьте про остальных», «отложите все другие дела» претят его лечебной тактике. «Я не в МЧС работаю», – говорил он. Однако на самом деле рутинное лечение претило его нетерпеливому характеру. Артуру Михайловичу хотелось, чтобы все происходило как можно быстрее. Форсмажорные обстоятельства нравились ему – можно продемонстрировать свое мастерство в чистом виде.

Самощенко он знал только заочно – видел его фотографии на предвыборных плакатах, иногда тот мелькал по телевизору. Увидев его воочию, Плиткин удивился тому, насколько тот не похож на свои печатные и эфирные изображения.

К вечеру температуру больному сбить не удалось, уколами сумели только сдержать ее повышение. Самочувствие Самощенко по-прежнему оставалось скверным, также, впрочем, как и анализ крови. Правда, у них в больнице не настолько совершенная аппаратура,

чтобы можно было говорить о серьезных лабораторных исследованиях. Артур Михайлович чувствовал себя путником, упершимся в закрытые ворота, – он не мог двигаться дальше, не получив ответа на самые важные вопросы: в чем причина недуга больного и как лечить его.

Ночь не принесла Евгению Владимировичу желанного облегчения. До самого утра он беспокойно ворочался, то впадал в кратковременную дрему, то опять просыпался. А приехавший рано утром профессор понял, почему накануне Самощенко показался ему нефотогеничным человеком, то есть в жизни у него было не такое лицо, как на снимках. Уже сегодня он был не похож на себя вчерашнего. Глаза стали узкими, как у китайца, а щеки и лоб покрылись мелкими волдырями.

Плиткин, светило первой величины, был в отчаянии. Он решился совершить то, чего раньше в своей профессорской практике не делал, – позвать на помощь других врачей. Артур Михайлович знал наиболее способных медиков Красноярска, никто из тех, кому он звонил, не отказал в его просьбе, все приехали. Каждому хотелось выглядеть перед Плиткиным молодцом, но, увы, все спасовали.

Не добившись от консультантов конкретной помощи, Артур Михайлович позвонил супруге Самощенко и сказал, что настаивает на транспортировке ее мужа в Москву, в Центральную клиническую больницу, то есть в известную на всю страну «Кремлевку». Услышав это, Людмила Сергеевна невероятно разволновалась. Она и раньше беспокоилась, но все же верила в могущество городских медиков, считала, что они сумеют поставить мужа на ноги. Но если сам Плиткин расписался в своем бессилии, значит, дело совсем плохо.

– Вам виднее, Артур Михайлович, – ответила она. – Я так понимаю, что уж если вы не справились, значит, нужно доставить Евгения Владимировича в Москву как можно быстрее.

– Я посмотрел расписание. На вечерний рейс успеем. Самолет, правда, прибывает почти в полночь. Однако я договарюсь с администрацией ЦКБ, его встретят. Уверен, в этом отношении проблем не будет.

Самощенко плохо соображал, что с ним происходит. Устав бороться с болью и с бессонницей, он впал в апатию, ни о чем не спрашивал врачей, лишь слепо, словно сомнамбула, выполнял их указания. Евгений Владимирович понял, что его куда-то везут, а куда – это ему было безразлично. Лишь бы помогли избавиться от этого тошнотворного состояния.

Он так и долетел, не соображая, что прибыл в столицу. Подробности полета через минуту-другую начисто исчезали из его изможденной памяти. Забывались и слова сопровождавшего его медработника. Да тот и говорил-то ему самые примитивные вещи, как ребенку, – подвиньтесь, попейте, застегните рубашку, вытяните ноги. Сообщать больному более сложные вещи сейчас бесполезно, да он ничего и не спрашивал.

Так и добрался Самощенко до столицы, не зная того, что этой ночью, в той самой больнице, из которой был оперативно увезен, скончался один из самых близких и преданных ему людей – Низами Вагифович Ширинбеков.

Глава 13 ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

– Тома, тебя, – сказал подошедший к телефону отец.

– Кто? – успела она шепнуть на ходу. Отец недоуменно пожал плечами.

– Здравствуйте, Тамара, – послышался приятный мужской голос. – Это Константин Звонников.

Она не сразу сообразила, что говорит редактор «Красносибирских ведомостей», ведь при знакомстве тот представился только по имени, а догадавшись, обрадовалась.

– Как вы провели время на праздничной церемонии?

– Под опекой Григория Михайловича. Видя, что я никого там не знаю, он не оставил меня без внимания. От него я узнала о вашей беде.

– Беда, – усмехнулся Константин. – Это еще полбеды. Больница не самое опасное место, когда вокруг творится черт-те что и сбоку бантик. Вы знаете про убийство милиционерами офицера в отставке и смерть начальника охраны Самощенко?

– Первый раз слышу.

– Ну вот. Если наша газета не напишет, никто ничего и не знает. Мы же еще сами не до конца во всем разобрались. Поэтому вынуждены молчать. Однако наши журналисты ведут расследование. Похоже, эти мрачные события тесно связаны с предстоящими выборами. Ширинбеков был одним из лидеров «Союза справедливых сил», а погибший на допросе в милиции офицер когда-то служил под его началом, в охранном агентстве. Складывается впечатление, что «Неделимая Россия» опасается набирающих силу «справедливцев» и без устали ставит им палки в колеса. Пока это лишь гипотеза, и тем не менее, Тамара, хочу попросить вас быть предельно осторожной. Для этого и звоню. Меня же поколотили не случайно – дали понять, что недовольны публикацией рейтингов. А вы эти рейтинги составляете, значит, они могут окрыситься и на вас.

– Что для этого нужно делать?

– Не знаю. Посоветуйтесь с вашим директором. Может, не нужно афишировать ваше участие, а делать вид, что анкеты собирают и обрабатывают все сотрудники.

– Тогда другим будет опасно.

– Вряд ли. Всех не тронут.

Тамара разговаривала сдержанно. Не дай бог, родители поймут что-нибудь про опасность. Тут начнется такая паника – житья не будет. Поэтому нужно избежать малейших намеков на это.

– Я могла бы зайти к вам, поговорить подробней.

– Спасибо, но в больницу приходить нецелесообразно. Мой вид кому угодно может испортить настроение. Вот когда выйду, хорошо бы встретиться. Вы же тем временем посоветуйтесь с Безлепкиным.

– Вдруг он предложит отложить эту работу?

– Маловероятно. Насколько я знаю, Сергей Алексеевич человек не робкого десятка. Просто он бывал в аналогичных ситуациях и знает, как следует поступать.

Когда на следующий день Тамара принесла Безлепкину чай, то сказала:

– Сергей Алексеевич, вчера я разговаривала с редактором Звонниковым.

– Разве Костя не в больнице?

– Оттуда и звонил.

– Как он себя чувствует?

– Через день-другой выпишут.

Она передала содержание вчерашнего разговора Безлепкину. Выслушав, тот с наигранным недовольством пробурчал:

– Ишь ты! Сам всегда лезет на рожон, а нам предлагает бояться. Уж Костю учили уморазуму крепко, в больнице оказывается не впервой.

Он рассказал, что в прошлом году Звонников написал статью о том, как в рамках уголовных дел по фактам коррупции на таможне некоторые сотрудники милиции проводили незаконные изъятия контрабандных товаров, речь шла о мобильных телефонах, а потом отобранное продавали, получая за это бешеные деньги. Константин указал фамилии виновных и их должности. После этой публикации его крепко избили. Когда же лежал в больнице, в его квартиру бросили гранату. С улицы, через окно, разбили стекло.

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет, он человек холостой, живет один. Но от этого не легче. У соседей треснули пол и потолок. Что касается опасности публикации рейтингов, которые мы им даем, я это давным-давно понял. Еще до того, как подписывал договор с газетой. Причем недовольные были бы в любом случае, и от каждого можно ожидать гадость – все эти партии одним миром мазаны. Но уж коль скоро договорились – мы обязаны выполнять свою работу. А вот его никто не заставляет публиковать, может спрятать наши рейтинги в сейф. Эти данные – собственность газеты. Однако Костя не такой человек, чтобы кого-то пугаться. И правильно делает! – с неожиданным пафосом воскликнул Безлепкин. – Подумаешь, хозяева выискались! Да кто они такие, чтобы указывать нам!.. – Тут он понизил голос и доверительно произнес: – Только вам, Тамара, по-моему, не следует афишировать свою роль в этой работе. Вы все-таки молодая девушка, вам лучше избегать даже малейшего риска.

– Об этом не беспокойтесь. Есть кому меня защитить.

– Отважный бойфренд?

– Нет. Я имею в виду своего отца. Он капитан первого ранга в отставке. Если меня кто-нибудь пальцем тронет, отец свистнет, и на его зов тут же соберутся бывшие моряки со всего города, служившие вместе с ним. Вы представляете, какую жизнь они устроят моим обидчикам?! В лапшу превратят.

– А вы, оказывается, крутая! – произнес Сергей Алексеевич тоном, в котором одновременно можно было уловить нотки удивления и одобрения.

Тамара не стала опровергать его слова. Иначе нужно будет признаться в том, что ее отец по состоянию здоровья никогда не служил в армии.

Глава 14

ГОВОРЛИВЫЙ ДОКТОР

Из Красноярска в московскую ЦКБ поступило сообщение – патологоанатомы установили, что находившийся на юбилее вместе с Самощенко за одним столом руководитель охранного холдинга Ширинбеков скончался от отравления неизвестным ядом. У него был поражен костный мозг. Впервые столкнувшись с такой разновидностью отравы врачам не удалось подобрать оптимальный способ лечения. Собрались было отправить больного на лечение в Германию, да не успели – так стремительно Низами Вагифовича настигла смерть.

Получив тревожное сообщение, врачи Центральной клинической больницы еще больше интенсифицировали свои усилия, борясь с болезнью Самощенко. Хотя, казалось, и без того они действовали на пределе. Проведенный по их просьбе в лаборатории судебно-медицинской экспертизы Министерства юстиции анализ установил, что в крови красноярсца обнаружен яд из группы пентакарбонилов, а именно пентакарбонил железа, концентрация которого превышает допустимую норму в шесть тысяч раз!

Этот яд оказывает на организм действие, схожее с тем, которое случается при попадании угарного газа, что внесло некоторую сумятицу в действия врачей. Доказать факт отравления практически невозможно. Ведь химический состав крови у отравленных ничем не отличается от случайно надыхавшихся угарным газом.

Болезнь настолько обезобразила лицо Евгения Владимировича, что на него было страшно смотреть. Можно без грима показывать в фильме ужасов – зрители попадали бы в обморок. На некогда привлекательном лице с тонкими классическими чертами теперь громоздились крупные волдыри багрово-синего цвета. Они напоздали один на другой, словно скопище мерзких жуков с неровными спинами.

Все же мастерство медиков взяло верх. Через неделю интенсивной терапии можно было с уверенностью сказать, что кризис преодолен. Жизнь Самощенко удалось сохранить. Правда, болезнь оставила заметные следы – судя по всему, страшные нарывы на лице удастся ликвидировать не скоро, возможно, придется провести ряд пластических операций. Но это дело десятое, таким фактором можно пренебречь. Когда попавший в шторм корабль тонет, тут уже не думаешь о красоте парусов – знай, руби себе побыстрее, лишь бы остаться на плаву.

Примерно такими словами известил заведующий отделением общей терапии профессор Викентьев находившуюся в Москве Людмилу Сергеевну Самощенко. Она была очень признательна профессору. Если самое страшное осталось позади, значит, остальное со временем тоже встанет на свои места. Попросила не говорить мужу о смерти Ширинбекова.

В отличие от подавляющего большинства больниц, ЦКБ находится под пристальным вниманием журналистов – ведь это центр, куда стекаются для исцеления самые именитые люди страны. Здесь можно пожить сенсациями. С наступлением гласности в больнице стал работать специальный человек, отвечающий за связи с общественностью, некто Петрушин. Он, кстати, занимал эту должность со дня ее появления в штатном расписании больницы, то есть четырнадцать лет, и прекрасно чувствовал насущную необходимость тех либо иных мероприятий. Лечение одного из реальных претендентов на пост губернатора Красноярского края не могло остаться без внимания прессы. Опытный Петрушин точно выбрал момент, когда можно провести пресс-конференцию, посвященную болезни Евгения Владимировича. При выборе времени необходимо было учесть нарастающее недовольство журналистов молчанием больницы и уверенность врачей в своем окончательном успехе. Более того – интересы врачей в данном случае стояли на первом месте: честь мундира – прежде всего. Однако терпение журналистов тоже не беспредельно – пойдут намеки насчет скрыт-

ности, участия в подковерных политических играх, наплевательского отношения к прессе, а это поневоле бросает тень на ведущую больницу страны. Опытный аппаратчик Петрушин, до перестройки работавший в международном отделе ЦК, умел разбираться в подобных ситуациях и действовал со снайперской точностью.

Среди врачей ЦКБ были свои говоруны и молчаливики. Скажем, директор клиники Олсуфьев терпеть не мог выступать на пресс-конференциях. Из него и в жизни слова приходится тащить клещами. А публичные выступления Юрий Николаевич вообще считал пустой тратой времени.

В отличие от директора общительный Дмитрий Петрович Викентьев охотно соглашался выступить на том или ином мероприятии. Для него чем больше собиралось народу, тем лучше. Ему нравилось находиться в центре внимания, любил он распускать хвост перед молоденькими журналистками. А при виде телевизионной камеры на его лице моментально появлялась голливудская улыбка. В случае чего Петрушин в первую очередь обращался к нему. Так произошло и на этот раз.

– О чем речь! – ответил Дмитрий Петрович. – Разумеется, я все расскажу. Приглашай пишущую братию.

– Может, с вами выступит кто-нибудь из врачей? – спросил Петрушин. – Вы все-таки осуществляли общее руководство. А вдруг журналистов заинтересуют тонкости лечения?

Викентьев махнул рукой:

– Разве это научная конференция? С какой стати они будут вдаваться в тонкости?

– Среди журналистов, особенно научных обозревателей, попадаются люди с медицинским образованием.

– Я найду что ответить, – успокоил его Викентьев.

Опасения директора по связям с общественностью оказались напрасными. Никто из журналистов не забирался в медицинские дебри. Их вполне устроило заявление Викентьева о том, что высокопоставленный пациент был отравлен пентакарбонилем железа, еле выкарабкался, однако в конце концов его могучий организм преодолел недуг. Самый ершистый из собравшихся хотел выяснить, кто пытался отравить Самощенко, ведут ли компетентные органы расследование, есть ли в этом деле подозреваемые. Врач даже отвечать не стал – настолько было нелепо спрашивать его об этом. Журналист и сам понял неправомерность своих притязаний и первым покинул пресс-конференцию.

Было заметно, что Викентьев был доволен своим выступлением. Ведущему, Петрушину тоже понравилось, как прошло мероприятие – коротко, ясно, хлестко. Однако через несколько дней ему позвонил Дмитрий Петрович, сказал, что сейчас зайдет, а появившись в кабинете, прямо с порога неожиданно заявил:

– Борис Владимирович, нужно созывать новую пресс-конференцию.

– По какому поводу? – удивился тот.

– Жизнь вносит свои коррективы. Оказывается, Самощенко не был отравлен.

Часть II

БЕЙ СВОИХ, ЧТОБЫ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ

Глава 1

ФОКСТЕРЬЕР ВЫХОДИТ НА ТРОПУ

Журналиста, который на первой пресс-конференции Викентьева хотел было выяснить, кто пытался отравить Самощенко, ведут ли компетентные органы расследование и есть ли в этом деле подозреваемые, звали Станислав Фокин. В редакции газеты «Триумф», где много лет работал Стае, его звали Фокстерьер. Уж если он вцепится в какую-либо проблему, будет ее препарировать на все лады, пока не разберется в ней досконально, после чего выложит факты читателям. Как правило, острые материалы Фокстерьера вызывали большой резонанс. Чаще всего они публиковались под рубрикой «Расследования».

Фокин не придерживался в работе стандартов, более того – старался избежать их. Он мог разразиться огромной статьей с продолжением, а мог ограничиться короткой заметкой, но с таким мощным публицистическим запалом, что та оказывалась в центре читательского внимания. В редакции его ценили за то, что Стае не готовил средненьких материалов. Он мог написать или очень плохо, или очень хорошо, однако никогда не скатывался до середины, которая оставляла бы всех равнодушными. Можно печатать, можно не печатать – это было не для него. Если на редакционных летучках Фокстерьер говорил про какую-либо статью: «Ни рыба ни мясо», – это являлось самой убийственной характеристикой.

Первая пресс-конференция Викентьева Стасу очень не понравилась. Ему показалось, что за общими словами выступавшего врача скрывалось недостаточное знание проблемы. Не предмета, а именно проблемы, потому что странное отравление одного из реальных кандидатов на губернаторский пост вряд ли можно было свести только к болезни. За этим таилось нечто другое, то, что должно откликнуться в будущем. Поэтому он и пытался выяснить у Викентьева, высказывалась ли врачами криминальная причина недуга Самощенко. Не получив ответа, Фокстерьер даже не стал писать об этой формальной встрече журналистов с заведующим отделением.

Однако, когда через несколько дней из ЦКБ поступило приглашение на повторную пресс-конференцию, Фокин насторожился. Ему не составило труда выяснить, что состояние Самощенко стабильно, жизнь вне опасности, то есть ничего нового журналисты услышать не смогут. Зачем же тогда их звать второй раз? Тут что-то нечисто.

На этот раз в конференц-зале главного корпуса ЦКБ народу собралось меньше, чем на предыдущей встрече с Викентьевым. Дмитрий Петрович выглядел осунувшимся и бледным. Без всякой раскачки, ровно в четырнадцать часов, не обращая внимания на то, что еще входят и усаживаются задержавшиеся, он начал:

– Уважаемые господа! Надеюсь, вы понимаете, что медицина является динамичным делом, не застрахованным от ошибок и недоразумений. Поэтому врачи стараются избегать публичности. Причина тут не только во врачебной тайне, но и меняющемся течении болезни, уточнениях и тому подобных тонкостях. В связи с этим я должен поставить вас в известность об одном диагнозе, вызвавшем ваше пристальное внимание. – Викентьев усталился в лист бумаги, который все это время держал в руках, и прочитал: – «Руководство Центральной клинической больницы вынуждено опровергнуть первоначальный диагноз о причинах болезни генерального директора Красноябинского авиапредприятия „Серебряные крылья“ Евгения Владимировича Самощенко. Как показали более тщательные исследования, сделан-

ные при помощи новейшей медицинской аппаратуры, можно с уверенностью констатировать, что пациент не был отравлен, как предполагалось ранее».

Взяв стакан, Дмитрий Петрович отхлебнул солидную порцию водички, после чего продолжил чтение:

– «Перечисляемые в прессе симптомы могли быть вызваны разными причинами. Например, патологические изменения кожного покрова похожи на проявление какого-нибудь инфекционного заболевания: скарлатины, кори, лихорадки с почечным синдромом, которая передается грызунами. Не исключена и аллергия, например, на лекарства. Ведь недавно Самощенко лежал в больнице, где ему прописывали разного рода препараты. А поскольку его иммунная система уже пошатнулась, у пациента вполне могла развиться лекарственная непереносимость.

В случае приема большого количества разных медикаментов одновременно может возникнуть синдром Лайела – тяжелейшая токсико-аллергическая реакция. Ее может спровоцировать прием анальгетиков, сульфаниламидов, антибиотиков. Это очень острая реакция, в которой трудно прослеживается связь между следствием и причинами».

Зачитав текст, Дмитрий Петрович встал и, извинившись перед собравшимися за то, что из-за экстренных дел не может уделить им больше времени, покинул зал.

Журналисты были ошарашены не столько краткостью пресс-конференции, сколько ее содержанием. Что ж это за врачи: то отравлен, то не отравлен. Они поставили представителей средств массовой информации в дурацкое положение.

В зале началось жаркое обсуждение услышанного.

– Расчет на то, что второе сообщение большинство изданий опубликовать не станет, – уверенно заявила молодая женщина. – Это сделано для галочки: появится в печати – хорошо, не появится – тоже не страшно. Больницу просто кто-то запугал.

Фокстерьер придерживался такого же мнения. Ему показалось, что заведующий отделением вообще ничего не говорил от себя. Даже произнося вступительные слова, он искоса поглядывал на бумажку. Что же заставило его публично признаться в коллективной ошибке? Вернее, кто? Видимо, для кого-то подобное заявление играло важную роль.

Сидя за рулем своей машины, Стае так задумался об этом, что едва не врезался в остановившуюся на красный свет иномарку. Здорово бы ему пришлось раскошелиться, задень он эту машину. Ведь ее водитель ни в чем не виноват. Нужно вести себя внимательнее и не отвлекаться.

Свои размышления Фокстерьер продолжил в редакции. Итак, кому-то понадобилось подчеркнуть случайность заболевания Самощенко. Значит, оно не случайно, у пациента имеются серьезные враги. Либо в сфере бизнеса, либо в сфере политики, это может знать только человек, находящийся рядом. В Красноярске у Стаса есть хороший товарищ, однокашник по МГУ Костя Звонников, редактировавший местную оппозиционную газету. Он – человек въедливый, наверняка в курсе местных дел, нужно позвонить ему.

Их нельзя было назвать закадычными друзьями, после окончания университета Звонников и Фокин общались крайне редко, в основном при случайных наездах красноябца в Москву. А с месяц назад Костя позвонил Стасу, понадобилась какая-то помощь, и между ними установилась бойкая связь, в первую очередь тут нужно благодарить электронную почту. Если же возникали срочные дела – они созванивались. Тут уже низкий поклон мобильникам – не надо думать, застанешь человека на месте или нет.

– Костя, что за кошки-мышки творятся вокруг вашего Самощенко?

– Сразу заметно?

– Ну так весь вечер на арене. Невозможно не заметить.

Он директор авиационного предприятия, – полуутвердительно-полувопросительно сказал Фокстерьер.

– О бизнесе можешь забыть. Здесь замешана исключительно политика. Вблизи это очень бросается в глаза. Самощенко неформальный лидер «Союза справедливых сил», который идет к выборам вровень с «Неделимой Россией», а ближе к финишу запросто может обогнать их. Там публика помоложе, поэрудированнее, «справедливцы» не чураются всяких модных веяний. И безусловно, конкуренты от этого просто звереют.

– Ты так говоришь, будто почувствовал это на своей шкуре.

– Причем в буквальном смысле. Помнишь, когда мы с тобой последний раз говорили? В тот вечер меня отмутила группа неизвестных лиц.

– Где?

– Прямо в подъезде своего дома. У меня вся морда была в синяках, два ребра сломаны. Я сегодня первый день вышел на работу. Еще не могу смеяться в полную силу – ребра ноют. А случилась эта петрушка всего-навсего из-за публикации предвыборных рейтингов.

Фокин заметил:

– Обычно этим грешат кандидаты, занимающие вторую строчку.

– Конечно. Особенно если разрыв маленький. Поэтому все подозрения падают на «Неделимую Россию». Я имею в виду не столько себя, сколько Самощенко.

– Твоя газета имеет среди них информаторов?

– Есть источник, – ответил Звонников со вздохом. Он вспомнил, какие гонорары требует женщина из политсовета «Неделимой России» за свои сообщения.

– Можешь узнать, кто у них занимается политтехнологией, пиаром, созданием имиджа партии?

– Стае, это московская фирма «Сигнал». Нам давно известно.

– Своих пиарщиков не нашлось?

– В Красноярске нашли только профессионального психолога. А остальных пиарщиков... Ты же знаешь наш суровый край – народ трудовой, дармоедов мало. Приходится их искать в столице, – поддел он приятеля.

– Могли бы и своих вырастить. У вас таланты на каждом шагу, – не остался в долгу Фокстерьер. – А ты дашь мне координаты этой фирмочки?

– Тебе-то зачем? – удивился Константин.

– Сдается мне, речь Викентьева написана не могу сказать умелой, скорее, корявой рукой политтехнолога. В общем, для него кто-то писал. Не может нормальный человек, специалист, нести подобную околесицу. Обтекаемый язык, ни одного живого слова.

– Ну, написана ему речь. Это преступление? Тем более что он руководящий работник, таким сочинять некогда.

– А ты полагаешь, это случайное совпадение? Люди постоянно работают на соперников Самощенко, и врач ЦКБ к ним же обращается с просьбой подготовить спич по поводу его диагноза. Такая ничтожная доля вероятности, что говорить смешно.

– Ага, – задумчиво протянул Константин. – То есть они сами вышли на этого Викентьева по чьей-то подсказке. Если это подтвердится, материал получится ох крутой. Мне кажется, начинать нужно с беседы с Викентьевым. В фирме, я слышал, сидят тертые калачи. Огонь ребята. Поэтому хорошо предварительно иметь задел, хотя бы опереться на беседу с врачом. Иначе они мигом обрубят все концы, и улетит твоя жар-птица, Стае.

– Викентьев сейчас труднодоступен.

– Думаю, скоро Самощенко оклемается, волна схлынет, тогда к нему будет легче подкрасться.

Они договорились держать друг друга в курсе всех новостей. В ожидании момента, когда можно будет вцепиться челюстями в Викентьева, Фокстерьер потихонечку стал собирать материал про пиар-фирму «Сигнал».

Глава 2 СИБИРСКИЙ ОТВЕТ

Вадим Николаевич Болгарин не находил себе места – верхушка партии была обезглавлена. Здоровяк Ширинбеков в одночасье скончался, Самощенко из-за болезни надолго выбыл из игры. Из лидеров только он остался. А вдруг в один прекрасный день и его захотят устранить? Есть от чего прийти в уныние. Ему бы сейчас уехать из Красноябсирска куда подалыше, тем более что есть хорошие возможности – его пригласили на «круглый стол» в болгарской Варне или можно еще без особого труда примазаться к делегации на конференцию в Амстердам. Он там, кстати, никогда не был, а очень хочется посетить квартал красных фонарей. Уже всего его друзья там отметились. Он же вместо этого вынужден торчать в надоевшем хуже горькой редьки Красноябсирске и заниматься донельзя скучными делами. Мало того что пришлось возглавить комиссию по похоронам Ширинбекова, так теперь нужно возиться с заболевшим Самощенко, вокруг которого творятся какие-то непонятные дела. Сначала стране сообщили, что кумир красноябсирцев отравлен. Потом тот же врач выступил на пресс-конференции и сказал, что, по уточненным данным, отравления не было. Окончательную причину болезни он не назвал, лишь туманно намекнул на возможное оперативное вмешательство. Обычному человеку из таких слов трудно что-либо понять. Но журналисты слеплены из другого теста – они тут же принялись трубить, что Евгений Владимирович делал себе операцию омоложения, ему пересадили стволовые клетки. Эти операции дают большой процент брака. Однако такие лишенные всякой логики предположения рассчитаны на полных простофилей. Зачем Самощенко омолаживаться, если у него и без того хорошая, располагающая внешность? Да и какой она может быть у человека, который каждое утро принимает контрастный душ!

Около одиннадцати утра послышался телефонный звонок. Не поднимаясь с постели, Болгарин снял трубку.

– Вадим Николаевич? С вами говорит профессор Плиткин из мединститута...

Наряду со штатной работой в краевой больнице Артур Михайлович преподавал в медицинском институте и обычно представлялся этим титулом, так было понятнее. Больниц в городе много, а институт один.

– Я был занят и не сразу узнал о повторной пресс-конференции Викентьева. Узнав же, ужаснулся.

– То есть ложь чистой воды?

– Безусловно. Это вообще беспрецедентный случай: чтобы врач так резко изменял свою точку зрения.

– Да уж! – усмехнулся Болгарин. – То отравлен, то не отравлен. В чем тут причина?

– Думаю, на него оказали давление. Мы можем догадываться кто, однако пока у нас нет твердых доказательств. Но, мне кажется, нужно привлечь внимание общественности к новому выступлению Викентьева. Если оно получит соответствующий резонанс, к нему прислушаются более внимательно и тогда ему придется отвечать.

– Спасибо за поддержку, Артур Михайлович. Вы член «Союза справедливых сил»?

– Нет. Я просто возмущен таким хамством и хочу поддержать справедливость. Нельзя же так нагло морочить людям головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.